

Учись тонуть

Автор:

Джейн Шемилт

Учись тонуть

Джейн Шемилт

Психологический триллер (АСТ)

Джейн Шемилт, всемирно известный автор психологических триллеров, уже знакома российскому читателю благодаря нашумевшему дебютному роману «Дочь».

История похищения девочки-подростка, запутанная сеть интриг и неожиданная развязка, приправленные родительскими кошмарами, не оставляют читателя равнодушным.

Перед вами новая книга: «Учись тонуть».

Новые герои, другое место действия, иная история.

Но все те же вечные темы и все те же родительские страхи...

Джейн Шемилт

Учись тонуть

Jane Shemilt

THE DROWNING LESSON

Серия «Психологический триллер»

Перевод с английского У. Сапциной

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств David Luxton Associates Ltd. и The Van Lear Agency LLC.

© Jane Shemilt, 2015

© Перевод. У. Сапцина, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Глава 1

Ботсвана, март 2014 года

На тропу опускается знойный вечер. Все звукиглохнут в стрекоте цикад. Под моими ногами хрустит крупный рыхлый песок. Идти так же легко, как и дышать. Мои мысли раскачиваются и дрейфуют в теплом воздухе.

Адам, счастливый, будет потягивать пиво, это в новинку... Зоуи сейчас, наверное, под деревьями с какой-нибудь ящерицей в руках. Элис читает, пристроившись поближе к Теко, ее темные волосы метут по странице. С утра она уже успела немного успокоиться. По саду распространяются ароматы ужина,

Элизабет ставит цветы в стакан.

С тропы вспархивает хохлатый бюльбюль, его drobный крик нарушает покой: скорей, скорей, доктор, скорей. Золотое сияние меркнет в просветах между деревьями. В тени красным пятном вспыхивает пустынный цветок. И вот они, сумерки.

Время ужина и купания. Сэм, наверное, плачет.

Первой птице отвечает другая, потом еще одна, и вскоре на всех деревьях поднимается беспорядочный галдеж. Темнеющий воздух ощущается во рту густым, как пирожное.

Перед моими ногами тонкая змея с молниеносной быстротой скользит через тропу и скрывается в кустах. Мне хочется какой-нибудь выпивки с джином. Хочется, чтобы Адам поразился, увидев, что я добралась до дома пешком, и пожалел, что забыл проверить машину и зарядить свой мобильник.

Когда я приближаюсь к воротам, они уже окутаны тенью, но на ощупь их доски все еще горячие. Открываясь, створки ворот издают две знакомые жалобные ноты. Лягушки в пруду за домом заводят свой булькающий, как отрывка, ночной концерт. Я сбрасываю скользкие от пота шлепанцы и чувствую ступнями мягкую пыль. Облегчение от того, что я дома, болезненно распускается в грудной клетке. Я огибаю поворот подъездной дорожки, с нетерпением ожидая, когда впереди, за лужайкой с низким кустарником, в окнах покажутся первые огни.

Мне требуются считанные секунды, чтобы обнаружить весь дом ярко освещенным и увидеть скачущие по лужайке лучи фонариков. Адам кричит, его голос похож на низкий рык изнемогающего от боли зверя. Он неподалеку, у деревьев. Я перехожу на бег, Адам оборачивается, его лицо маячит в сумерках белым пятном. Зоуи стоит у стены дома и тихо плачет. Значит, не она. Элис сидит на корточках в углу. Увидев меня, она грациозно встает. И не она.

А потом я понимаю.

Тени в нашей спальне колеблются не так, как обычно. Всего через мгновение я замечаю, что занавески разорваны и чуть трепещут на легком ветру. Кучка битого стекла поблескивает на ковре под окном, несколько зазубренных

осколков все еще держатся в раме.

Детская кроватка пуста.

Глава 2

Лондон, март 2013 года

Это было неподходящее время, чтобы начинать разговор. Полночь. Дождь барабанил в окна, на столе между нами стояла пустая винная бутылка. Худое лицо Адама покраснелось, и он то и дело ерошил свои темные волосы, пробегая по ним пятерней. Мне хотелось пригладить непослушные пряди и прижаться губами к морщинкам между его бровей, но он явно что-то скрывал, и это меня останавливало.

На кухне царил кавардак: София ушла смотреть с друзьями какой-то польский фильм, не успев отправить по своим местам детскую обувь и сумки, валяющиеся по всему полу. Наши бокалы и картонки из-под еды тоже следовало бы убрать. На буфете давно ожидали моего просмотра покосившаяся стопка рисунков Зоуи и аккуратно сложенная математика Элис.

Список завтрашних дел начинался в восемь утра двумя гистерэктомиями. Я отодвинула стул и встала. На лице Адама застыло выражение углубленности в себя, словно он производил в уме какие-то подсчеты. Я принялась убирать со стола и складывать посуду на переполненную мойку.

У моего отца были старинные весы, они стояли на письменном столе в кабинете и куда-то подевались после его смерти. Сделанные из полированного дерева и латуни, они дополнялись рельефными металлическими разновесами. В детстве отец разрешал мне с ними играть – взвешивать его письма и бандероли. Порой тонюсенького листа бумаги хватало, чтобы нарушить баланс. Мои отношения с Адамом были в точном равновесии с работой и успехом, но сдвиг в ту или иную сторону мог случиться в любой момент. Я с грохотом свалила в раковину столовые приборы. Я любила Адама. Мне нравилось в нем почти все: улыбка,

углубляющая морщинки вокруг его глаз, то, как он подхватывал и кружил детей в конце дня, тепло его тела рядом с моим в постели, но его победы были равнозначны моим поражениям. Я желала Адаму успеха ровно до тех пор, пока его достижения не затмевали мои.

– Выкладывай. – Я потянулась за его тарелкой. Вряд ли у него получится долго скрытничать. Это может оказаться пустяком, чем-то вроде с лету поставленного диагноза или победного удара в партии в сквош.

– Тут подвернулись кое-какие исследования. – Адам прокашлялся – лишний, царапнувший ухо звук. Голос звучал маловыразительно, но расширенные зрачки следивших за мной глаз выдавали Адама с головой: нет, это не какой-то заурядный проект. Я поставила тарелку в раковину поверх ножей и вилок, села напротив, положив руки на стол, и приготовилась.

– Дай-ка угадаю: фонд «Уэлком Траст» согласился финансировать твои противораковые эксперименты со стволовыми клетками?

Гордость и зависть свернулись клубком в глубине моего живота.

Адам покачал головой и скосил глаза в сторону.

– Помнишь твои исследования двенадцать лет назад в Сан-Франциско?

Я кивнула, хотя казалось, оно было так давно, это странное, далекое время тоски по Адаму и ходьбы вверх-вниз по туманным холмам к больнице и обратно. Под невнятные звуки джаза, залетающие в распахнутые окна лаборатории, я дни и ночи напролет пачкала и разглядывала предметные стекла, а затем анализировала и часами записывала результаты.

– ...только что поженились, но это был отличный шанс, и я тебя отпустил, – продолжал Адам.

Воспоминания о ярко освещенной полуночной лаборатории, стойках со стеклами и пустых кофейных чашках померкли. Адам пристально смотрел на меня и постукивал пальцами по столу.

В ответ я тоже уставилась на него.

– О чем все-таки речь?

Он быстро опустил взгляд.

– Мою кандидатуру одобрили на исследовательскую должность в Ботсване. На год.

В воцарившейся тишине щелкнула посудомойка. Конец цикла. Мы часто делали вид, будто не замечаем, что пора ее выгружать, но на сей раз мы играли по-новому. Адам словно врезал мне под дых, и вышла скорее драка, чем игра.

– Одобрили? Значит, какое-то время назад ты подал заявку?

Вокруг нас к каждой дверце кухонных шкафов приколоты детские рисунки, все подоконники загромождены глиняными фигурками животных Зоуи, мяч для сквоша лежит среди апельсинов во фруктовой вазе, скрипка Элис, приготовленная на завтра, ждет в углу, магнит-сердечко прижимает к дверце холодильника расписание занятий в бассейне, график моих дежурств прикреплен скотчем к стене над телефоном. Новости Адама могли изменить все это разом, а он до сих пор ни словом о них не обмолвился.

– Предложение словно с неба упало, Эм. Если бы я решил подать заявку, я бы заранее обсудил это с тобой. Разумеется.

На его щеке дрогнул мускул. Движение было мимолетным – не всматривалась бы я так пристально, не заметила бы вовсе.

– Такие вещи не делаются без обсуждения и планирования. Почему же ты раньше мне не сказал?

– С тобой иногда так трудно разговаривать... Тебя уязвляют мои успехи.

– И ты решил скрывать их?

– Просто не мог подобрать слова.

– Так расскажи теперь.

– Крис Ассазар написал мне из Йоханнесбурга. – Адам подался вперед. – Он ознакомился с моей статьей о сывороточных маркерах лимфом и считает, что онколог пришелся бы им кстати. Финансирование он обеспечит.

– «Пришелся бы кстати»?.. А поконкретнее?

– Ассазар руководит центром исследований ВИЧ в Южной Африке. В Ботсване численность инфицированных растет быстрее, чем где-либо на континенте. Известно, что у больных СПИДом высок риск развития лимфом... – Адам заговорил назидательным тоном, каким, вероятно, читает лекции студентам. Перехватив мой взгляд, он ускорил темп: – С помощью сывороточных маркеров мы сможем определить группы наибольшего риска, а стало быть, раньше приступить к лечению лимфом и продлить пациентам нормальную жизнь на месяцы, а то и на годы.

– А как же наша нормальная жизнь?

Нормальной наша жизнь не была, но каждый из нас хоть немного занимался домом и детьми, перекладывая большую часть хлопот на плечи помощниц по хозяйству. Мы поочередно дежурили по скорой. В прошлые выходные я сделала четыре кесарева, а тем временем Адам держал оборону дома. Научной работой я занималась в основном по вечерам, пока он читал детям сказки. А по утрам я отвозила их в школу. Если Адам уедет в Ботсвану, мне придется за все отвечать самой, времени не останется ни на исследования, ни на клинику. Адам же с развязанными руками сможет работать сколько пожелает. И опубликует еще одну статью. А я не добьюсь ничего.

Он выиграет. Он всегда отрицал, что так будет, а я ему не верила. Мои глаза горели от усталости, и мне на миг показалось, что я вернулась в школу. Оглядываясь на соперников, я пересекаю бассейн и рвусь первой коснуться стенки, а хлорка обжигает мне глаза. Как можно не желать победы?

Ножки стула царапнули по плиткам пола, Адам встал. Рядом с ним на подоконнике – серебряная рамка с фото моего отца, седовласого, с высокими скулами и глубоко посаженными глазами за стеклами-полумесяцами очков. В

кадр не попали его ладони – шершавые и широкие, как лопаты. Теплые. Он был акушером, люди говорили, что у него руки хирурга, хорошо умеющего спасать жизни. Но там, в карьере, мне так не казалось. «Можешь либо утонуть, либо поплыть», – сказал он. Тогда мне было пять лет.

В затопленном карьере тихо. Таинственно.

Озеро – как глубокий тенисто-зеленый ковш между высоких скал. Мы вдвоем в отцовской лодке.

День жаркий, но меня знобит. На мне купальник. Не знаю, почему я не умею плавать. Обычно мы приезжаем сюда рыбачить, но сегодня удочки отец не взял.

– Можешь либо утонуть, либо поплыть.

Я не понимаю, что он имеет в виду, но мне становится страшно.

– Тебе решать, – говорит отец, наклоняется и обхватывает меня за талию. Поднимает, переносит через борт лодки, а потом очень осторожно отпускает.

Я ударяюсь ногами о камни на дне, ил на них мягкий, как плоть, как мамина могила.

Я открываю рот, чтобы закричать, и захлебываюсь водой.

Тусклый желтый свет сочится сквозь зеленую толщу надо мной. Пузырьки струйкой всплывают вверх.

Чей-то голос зовет меня по имени.

Оцарапав ноги о стебли тростника, я делаю рывок к поверхности и всплываю.

Адам, не переставая жестикулировать, принялся расхаживать взад-вперед – сделал несколько шагов, повернулся и направился обратно. Его слова звучали

так гладко и складно, будто он тренировался произносить их вслух в машине по дороге домой.

– ...даже к лучшему для них обеих. Неважно, если Зоуи пропустит первый школьный год. В скандинавских странах, например, пятилетние дети совсем не ходят в школу. А Элис забежала вперед так далеко, что могла бы забросить учебу на весь остаток пятого класса и даже не заметила бы этого. – Он снова сел и раскинул руки, словно преподнося мне подарок. – А ты могла бы уйти в длительный отпуск и заняться любыми исследованиями, какими захочешь.

Выходит, Адам хочет взять нас с собой в Ботсвану. Я уставилась на него поверх стола невидящим взглядом и снова перенеслась в прошлое, на этот раз на десять лет назад, в раннее утро на кухне, когда залпом допивала кофе и дописывала статьи, пока Адам и малышка Элис спали. Так же было и после рождения Зоуи. С тех пор как меня назначили консультантом, жизнь превратилась в постоянное чередование работы в клинике и научных исследований. Я даже отгулов почти не брала. Как же я могла уехать на целый год? Адам публиковался чаще меня, но я была моложе. Я бы наверстала упущенное и догнала его. Ничто не давалось мне без труда, время на науку по-прежнему приходилось выкраивать. Семейные дела просачивались в каждую щель, выталкивали меня на поверхность и вместе с тем тянули на дно.

– Ну пожалуйста, Эм?..

Сидящий напротив Адам подался вперед, ожидая, что я соглашусь. Два года назад ему загорелось обзавестись третьим ребенком. Он упрашивал меня, но я только вступила в должность и несла ответственность за свою группу. Время было неподходящее. У нас уже появились Элис и Зоуи, и все только-только наладилось. Относительно. Тогда я отказалась и сделала бы то же самое теперь. Исследования Адама в Ботсване – это дольше, чем беременность. Лучше уж родить, чем провести целый год за границей: младенца все-таки можно кое-как втиснуть в график. Теперь очередь Адама от чего-то отказаться.

– И когда все это должно произойти? – спросила я.

Надо было собраться с мыслями, но я очень хотела спать. В обычный вечер, такой же, как любой другой, на кухне было бы уже спокойно. Люстра бы не горела, и комната освещалась бы мягким светом настенных ламп. Адам читал бы

газету, задрав ноги повыше и попивая чай, а я просматривала бы работы девочек. Слышались бы только тиканье часов и шелест страниц, да еще, может быть, один из любимых Адамом квартетов Моцарта приглушенно играл бы, сплетая события дня воедино.

– Понадобится некоторое время, чтобы все уладить, оформить финансирование и собрать команду.

Адам понизил голос. Он решил, что уже победил.

– Меган обещала помочь. Ее родители работали в одной из ботсванских миссий. Там она и выросла. Если начать прямо сейчас, организация исследований займет девять месяцев. От силы десять. Мы можем быть там уже к Рождеству. – Теперь Адам улыбался. – Это будет нашим шансом помочь людям и придать собственной жизни настоящий смысл.

Но мы и так помогали людям. И наша жизнь была исполнена смысла. Я заставила себя встать и, забыв о посудомойке, пустила воду в раковину с кучей тарелок и столовых приборов. На мою одежду полетели брызги. Меган – верная секретарша. Она готова на все, чтобы Адам получил то, что хочет. Вот только своих детей у нее нет, и вряд ли она сознает, как отразятся планы Адама на наших девочках. Да, они сейчас справляются, но что будет, если мы вырвем их из привычной обстановки? Они заслужили выбор, который был у меня. А именно – возможность не отставать и усердно трудиться.

Я почувствовала, как руки Адама, проскользнув, обняли меня сзади.

– Это было бы приключением, – сказал он.

Когда-то я обожала это слово. Оно означало поездки с палатками по Европе на велосипедах или по Америке автостопом с рюкзаками за спиной. Я соскребла ножом остатки песто, прилипшие к тарелке. Теперь в приключениях я не нуждалась. Мне хотелось лишь одного – жить здесь, в Лондоне. Адам прижимал ладони к низу моего живота. Несмотря на усталость, я почувствовала, что мое лицо запылало от желания.

– Как думаешь?.. – спросил Адам, касаясь губами моей шеи.

Я обернулась. Его рот был слегка приоткрыт, дыхание отдавало вином. От выпитого у меня кружилась голова. Он сказал, потребуется девять месяцев, если начать прямо сейчас. Значит, у меня еще есть время. Я что-нибудь придумаю, выживать я умею. И это переживу.

– Давай не будем решать прямо сейчас. – Я поцеловала его. – Мы оба слишком устали. Еще будет время это обсудить. Завтра или в выходные. Идем в постель.

Я взяла его за руку. Рисунки и домашние задания можно просмотреть и завтра. Когда мы выходили из кухни, я услышала легкие шаги, которые пронеслись вверх по лестнице, опередив нас, а потом – тихий звук закрывающейся двери. Должно быть, София прокралась вниз незамеченной. Ее комната по соседству с комнатой Элис. В последнее время Элис очень уставала. Надеюсь, София не разбудила ее.

Мы закрыли дверь нашей спальни и прислонились к ней в темноте, задыхаясь и прижимаясь друг к другу, раскрепощенные вином и усталостью. Адам принялся стаскивать с меня свитер, а я расстегнула ему ремень. Мы смеялись.

Он опрокинул меня на кровать и просунул ладони под юбку. Нам следовало остановиться – мне нужно было вставить колпачок. Адам забыл, что я больше не принимаю таблетки.

Дрожащими пальцами я расстегнула его рубашку. Мое сердце судорожно колотилось, мысли неслись вскачь. Для меня как акушера девять месяцев означали время, когда формируется сердце, растет мозг, появляются черты лица, образуются кости и ногти. Улыбнувшись, я приподнялась навстречу Адаму. Он сохранил свои планы в секрете до сегодняшнего вечера, что дало мне право на ответные действия. Стоит мне только собраться с мыслями, и мой тайный план перевесит его. Напрасно я так много выпила.

Адам ворвался в меня, накрыв мои губы своими. Теперь беспокоиться было поздно, оставалось лишь расслабиться. Ничего не случится, ведь нам понадобилось несколько месяцев, чтобы зачать Элис, а Зоуи – больше года. Теперь я старше, и моя фертильность снизилась. Кроме того, я и прежде несколько раз забывала про колпачок, а месячные приходили вовремя. Через мгновение наши тела задвигались в едином ритме, и меня покинули остатки сознания.

Глава 3

Лондон, апрель 2013 года

– Почему ты едешь так быстро?

В зеркале заднего вида отражалась сплюснутая беретом и резко контрастирующая с бледностью кожи черная челка Элис. Ее личико казалось испуганным.

– Мало времени. Я должна отвезти тебя в школу, проводить Зоуи, повидаться с миссис Филипс, сделать обход и начать оперировать...

Элис не заинтересовал перечень дел, засевший в моей голове с пяти утра. Зоуи, привалившись к сестре, крепко спала. Ее щечка, прижатая к локтю Элис, перекосилась, к не стертым молочным усам прилипли крошки, прядка светлых волос пристала к губам.

Я увидела в зеркало, что она не пристегнута. Совсем забыла проверить. По обе стороны дороги тянулись машины, припаркованные бампер к бамперу. Пришлось остановиться на подъездной дорожке, а значит, потерять еще больше времени.

– Так рано в школу мне нельзя.

– Ну конечно, можно, Элли.

– Сейчас там нечего делать.

– Ты можешь почитать в классе, поговорить с кем-нибудь...

Я с улыбкой оглянулась на нее и снова перевела взгляд вперед, на дорогу. Как раз вовремя, чтобы заметить, что загорелся красный свет. Ударив по тормозам, я резко остановила машину. Молодая женщина с облепившими голову мокрыми от

дождя волосами обдала меня негодующим взглядом, перегоняя по пешеходному переходу своего излишне укутанного ребенка. За моей спиной в голос разрыдалась Зоуи. При торможении ее бросило вперед и втиснуло между спинками передних сидений. От чувства вины меня прошиб пот, я выскочила из машины и рывком распахнула дверцу. Зоуи застряла крепко, ее лицо исполосовали слезы испуга. Я вытащила ее и поставила на тротуар. Все цело, никаких повреждений. Я порывисто и крепко обняла ее и снова усадила на сиденье, на этот раз пристегнув ремнем. За нами уже выстроилась вереница машин. Возмущенные лица, рывкающие клаксоны. Когда я снова села за руль, меня трясло. Я редко совершала ошибки по невнимательности, но этим утром спешила и отвлекалась, думая о делах предстоящего дня, потому и забыла проверить ремень. Неужели я превращаюсь в мать, для которой карьера превышает безопасности ее детей?

– Меня тошнит, – услышался дрожащий голос Элис.

У школы она вышла из машины и, обиженная, медленно поплелась через пустую площадку для игр, не попрощавшись со мной. Она скрылась из виду на лестнице, ведущей к раздевалке, – на худенькой ссутуленной спине тяжелый рюкзак, голова втянута в плечи под морозящим дождем.

Несмотря на недавнее происшествие, Зоуи снова уснула. Я понесла ее в класс, следя, чтобы большой пальчик ненароком не выпал изо рта. Сюзи, помощница учителя, улыбаясь, приняла ношу из моих рук. Я с опозданием заметила, что у Зоуи отпоролся подол, манжета испачкана фломастером, а носки из разных пар. Сюзи бережно внесла ее в двери, и я представила, как она осторожно положит малышку на уютные подушки в комнате отдыха. Я заметила их, когда осматривала школу перед тем, как отдать в нее девочек, и эта деталь очень повлияла на мое решение. А сейчас я мучилась вопросом, зачем меня вызвала учительница Элис.

Миссис Филипс ждала в пустом пятом классе. Должно быть, она только что вытирала доску – в воздухе еще висела меловая пыль. Она посмотрела на меня, склонив голову набок, и длинная оранжевая серьга коснулась ее плеча. Оранжевые, в тон серьгам, ногти покоились на маленьком снимке Элис, приклеенном к листу, усеянному сплошным печатным текстом. Они были острые и блестящие, как когти какой-то мелкой, но хищной птицы.

– Я получила вашу записку, – начала я.

– Спасибо, что зашли, миссис Джордан. Я отправила Элис на завтрак с детьми из интерната, мне хочется поделиться с вами своей озабоченностью один на один. – Голос миссис Филипс дрогнул под бременем задушевности. Она подалась вперед. – Думаю, вам следует знать о том, что Элис берет чужие вещи. Всякое разное. – Ее серьга раскачивалась и подрагивала.

Мне представилась сверкающая грудa мобильных, часов и монет.

– А что именно?

– Карандаши, ластик, резинки для волос, носки.

– И это все? – Я чуть не рассмеялась. – Она, наверное, взяла их на время, а потом забыла отдать. Дома мы часто заимствуем что-нибудь друг у друга, так что...

– Все это было найдено в ее столе, в коробочке, подписанной ее именем. – Миссис Филипс кротко улыбалась.

– А она знает, что вы в курсе?

– Я забрала вещи и сообщила Элис, что поговорю с вами. Больше об этом никому не известно.

Я посмотрела в окно. Эта женщина неизвестно почему вызывала у меня неприязнь. Ровесницы Элис, держась за руки, бродили по игровой площадке попарно или по трое и болтали. Вид у них был довольный, но как знать – может, втайне они горевали о пропаже своих любимых карандашей и резинок для волос. Или замыслили отмщение. Мне стало тревожно за Элис.

– Я поговорю с ней, – пообещала я. Обычно Элис рассказывала мне о школьных делах, хотя в последнее время и не так часто. Я перевела взгляд на свои руки, сжатые на коленях. Руки хирурга, совсем как папины, он сам это отмечал. Умелые руки, способные вскрыть проблему и иссечь ее. Мне следовало бы догадаться, что у Элис сложности, а ей – признаться мне шепотом в конце дня, пока я укладывала ее спать. Но в это время меня часто не оказывалось дома. Был только Адам. Но даже если бы я спросила ее, что не так, разве она ответила бы мне правду? Наверное, по прошлому опыту решила бы, что мне все равно.

– Мне кажется, Элис таким образом самоутверждается, – продолжала миссис Филипс. – Воровство десятилетние дети воспринимают как способ вознаградить самих себя. Вот я и задумалась, получает ли она достаточно одобрения от... всех опекающих ее лиц.

Меня бросило в жар. Часы на стене показывали восемь. Если я начну спорить и задержусь здесь, то опоздаю на работу. Я встала, чтобы уйти.

– Дома одобрения у нее в избытке. Мы постоянно хвалим ее. Может, вам стоит позаботиться о том, чтобы то же самое происходило и в школе, а не предъявлять обвинения в воровстве?

Миссис Филипс не ответила, но я чувствовала на себе ее пристальный взгляд все время, пока шла к дверям. Радужные зигзаги плясали перед моими глазами. Надвигалась мигрень. Пересекая игровую площадку, я полезла в сумку за парацетамолом и ощутила на разгоряченных щеках мелкий дождь. Каблуки стучали по асфальту, и каждый их удар словно вколачивался мне в голову. Чертова училка. Напрасно я вспылила, но ведь я встревожилась за Элис. Глотая горькие таблетки, я гадала: неужели кто-то из детей с милыми личиками, пробегающих мимо меня, вынашивает планы мести.

В ярко освещенной операционной было тепло и спокойно. Из динамиков под потолком лилась классическая музыка. Здесь мой мозг легко освободился от всего, что не касалось предстоящей работы. Пациентка лежала передо мной без сознания, заинтубированная, с закрытыми глазами. Рак пророс из матки в мочевой пузырь. Задача была ясна и сводилась к тщательному иссечению и кропотливому ремонту. Анестезиолог кивнул. Можно начинать. Операционная сестра молча подала мне скальпель, и я сделала первый разрез. Музыка и негромкие переговоры моей бригады отступили на задний план, я продолжала работать, смаргивая пот, разъедавший глаза.

Два часа спустя на кожу были аккуратно наложены швы. Функцию мочевого пузыря удалось сохранить.

У себя в кабинете я снова приняла парацетамол, на этот раз с пригоршней отдающей металлом воды из-под крана. Я сидела за письменным столом и

массировала виски. Передо мной на заставке монитора Элис и Зоуи смеялись на солнечном пляже. Сегодня утром в зеркале лицо Элис выглядело печальным. Пожалуй, миссис Филипс права, и Элис впрямь не хватает одобрения в семье. Возможно, его нет совсем. Мы вовсе не хвалим ее постоянно, что бы я там ни говорила. Сейчас я не могла припомнить, когда Элис в последний раз доставались от нас похвалы. Не представлялось возможности, а может, просто не хватало времени. С ней могло случиться что-то и похуже.

Я встала из-за стола и загляделась в окно. Передо мной открывалась панорама Северного Лондона: небо, дома, улицы, поросшие травой склоны Хампстедской пустоши, полускрытые за деревьями пруды с зеленой глубокой водой. Неужели я стала такой, как мой отец, и сама того не заметила? И теперь Элис кажется, что она должна побеждать, чтобы я была ею довольна?

Если я поработаю в обеденный перерыв, то смогу закончить обзорную статью о задержке внутриутробного развития для журнала «Репродуктивная медицина», в кои-то веки вернусь домой пораньше, застану Элис еще не спящей, и мы поговорим.

Перед полуднем меня вызвали в гинекологию – помочь в операционной на осложненных родах. Монитор показывал резкое снижение сердечного ритма плода между схватками. Я потянула на себя акушерские щипцы, и окровавленное личико со сплюснутым носиком появилось у выпяченного выхода из родовых путей. Глубокая эпизиотомия, последнее усилие, и роды состоялись. Крошечный мальчишка отправился прямиком на осмотр к ожидающим его педиатрам, а потом его, возмущенно орущего, вручили обессиленной матери. Отец склонился над ними, слишком потрясенный, чтобы хоть что-то сказать. Кивками выразив благодарность ассистентам, я стащила перчатки и удалилась, оставив заботы об отхождении плаценты и наложение вагинальных швов моему ординатору. Мне, охваченной беспокойством за свое родное дитя, нечего было сказать новоиспеченным родителям. Они вряд ли поблагодарили бы меня за честность, если бы я сказала, что роды пустяк по сравнению с тревогами, которые ждут их впереди.

На обратном пути в кабинет я встретила в коридоре несколько коллег. Все они спешили на прием или очередной обход. Я похлопала по карману халата в поисках мобильного, мне захотелось поговорить с Адамом. Когда мы проходили квалификационную подготовку и чуть ли не сутками дежурили на приеме в неотложной помощи, нам случалось встречаться в больничной столовой

глубокой ночью. Устало прислонившись друг к другу над стоящими на пластмассовой столешнице стаканчиками с водянистым горячим шоколадом, мы силились осмыслить свалившийся на нас груз требований и испытаний. Сейчас ни о чем таком мы больше не говорили. Меня переключили на автоответчик секретарши Адама, и я оборвала звонок, не оставив сообщения.

Два последних на этот день пациента не пришли на прием, и я уехала рано. Зная, что Элис еще на занятиях, я выкроила время, чтобы поплавать в Центре досуга. На сиденьях у бассейна в такое время было полно родителей, болтающих друг с другом в ожидании, пока их дети переоденутся после уроков плавания.

На показательном заплыве в нашей школе отец устроился в четвертом ряду. Это было в среду, я точно помню. Прежде он никогда не приходил на школьные соревнования, потому что днем он всегда работал, но мне как раз исполнялось десять лет, и он попросил кого-то о подмене. Он сидел, ссутулив плечи и опустив уголки губ, и выглядел несчастным. Вот уже пять лет у него был несчастный вид.

Можно ли умереть от разбитого сердца? Моя учительница говорит, что можно. Пальцы моих ног поджимаются, цепляясь за край бортика. Сердце так колотится, что путаются мысли.

Звук свистка пронзает мой позвоночник, как раскаленный электрический разряд.

Едва коснувшись воды, я принимаюсь молотить ее ногами и рассекать руками. На первом круге я иду третьей. На следующем повороте вырываюсь на второе место. На последнем отрезке я не делаю ни одного вдоха, ни единого. Половину дистанции я прохожу вровень с остальными, а затем вырываюсь вперед. Хватая ртом воздух, я касаюсь стенки первой.

Эхо разносит над бассейном вопли учеников нашей школы. Я высовываюсь из воды и оборачиваюсь, чтобы взглянуть на отца. Он улыбается. В самом деле улыбается. Я не видела его улыбки с тех пор, как умерла мама.

Теперь я точно знаю, что мне нужно делать.

Вечером Элис отказалась от ужина и вела себя тише, чем обычно.

– Что-нибудь не так, детка?

– Мне не хочется есть. – Она пожала плечами, размазывая картофельное пюре по тарелке.

– Знаешь, сегодня я виделась с твоей учительницей...

Зоуи заинтересованно подняла голову.

Элис оттолкнула тарелку.

– Я больше не хочу, спасибо, – сказала она. – Мне надо упражняться.

Я направилась вверх вслед за ней, но, когда вошла в ее комнату, она уже держала в руках скрипку. И подняла на меня вежливо вопрошающий безразличный взгляд.

– Элли, тебе, наверное, хочется узнать, что сказала миссис Филипс...

Элис крепче сжала смычок, но ничего не ответила.

– Она сообщила мне, что у тебя оказались вещи, принадлежащие другим девочкам. Я знаю: если ты взяла их, значит, на то была причина...

– Они сами захотели дать их мне на время. – Элис провела смычком по струнам, извлекая из них негромкий диссонирующий звук. – Я обещала их сохранить.

– И все же...

– Сегодня я их вернула. Пусть теперь сами о них заботятся. – Элис прошелестела нотной страницей и нахмурилась. – Я позанимаюсь, мама, хорошо?

Я могла продолжить разговор, когда она закончит. Наверное, она будет готова к нему попозже. Но звуки скрипичных гамм не стихали целых полчаса, а потом

сбивчиво, с парой длинных пауз, началась пьеса Моцарта. Я ждала, пока не убедилась, что Элис закончила, но, когда вошла к ней, в комнате было уже темно и она, ровно дыша, лежала в постели с закрытыми глазами. Я поцеловала ее, и она не шелохнулась. Все вокруг выглядело как обычно: туфли стояли ровно, одежда была тщательно сложена, и лишь фарфоровые матрешки на каминной полке привлекли мое внимание. На этот раз они расположились каждая отдельно, на одинаковом расстоянии и в порядке убывания размеров, хотя обычно были вложены одна в другую. Много лет назад я привезла их с московского конгресса акушеров. Я взяла матрешку. И нащупала что-то острое – фигурка треснула. Я стала осматривать все их по очереди и обнаружила, что каждая разбита. Самые мелкие развалились на несколько частей, осколки поблескивали на ковре. Шторы колыхались на ветру, окно было распахнуто. Наверное, матрешек просто сдуло ветром. Я тихонько прикрыла оконные створки.

Мы поговорим завтра, по дороге в школу. Тогда Элис и расскажет мне, что случилось. Зачастую только это время мы могли проводить вместе без помех. Я закрыла дверь и сошла вниз. Утренняя мигрень разыгралась с новой силой и требовала моего внимания взрывами боли. Мне были необходимы покой и темнота.

София наводила порядок на кухне. Она приплясывала, переступая с ноги на ногу под громкую поп-музыку, и ее конский хвост пружинисто подпрыгивал на макушке. За уборку пыли в детских комнатах отвечала она. Я выключила радио, и София обернулась ко мне с круглыми от удивления глазами.

– София, ты знаешь, как разбились матрешки Элис?

Девушка покраснела. Последовала пауза. На секунду встретившись со мной взглядом, она потупилась и помотала головой.

Ее румянец и молчание были красноречивыми. Должно быть, она и разбила фигурки, но сознаваться в этом не собиралась. Элис дорожила матрешками: постоянно играла с ними, составляла семьи, выстраивая фигурки побольше кольцом вокруг маленьких и помещая в центр самую крошечную.

– Ладно, будь добра, уложи Зоуи в постель. Может, удастся склеить их завтра. – Без Софии, несмотря на всю ее беспечность, мне было не обойтись. – Клей для

керамики в кладовке, в правом шкафу.

Она пожала плечами и освободила руки от резиновых перчаток, ее лицо ничего не выражало.

Я наклонилась поцеловать Зоуи.

– Спокойной ночи, детка. Я поднимусь попозже.

Зоуи сунула мне для поцелуя и свою плюшевую собачку, а потом убежала вслед за Софией.

Адам писал за большим письменным столом у себя в кабинете. Его лицо было непроницаемым. Когда я объявила, что в Африку мы с девочками не поедem, он не поверил своим ушам, а потом разозлился. Теперь, спустя три недели, до него наконец дошло, что я не шучу.

– Как продвигаются дела?

Заламинированные карты были сложены перед ним аккуратными стопками, счета – ровными рядами. А мой стол постоянно был погребен под ворохами бумаг. Сейчас Адам красным карандашом составлял список: флаконы для крови, шприцы, центрифуга с атрибутами к ней, противомоскитные сетки, походные ботинки.

– Тебе помочь?

Подойдя ближе, я увидела, что над краем его воротника ярко-красной полоской расцвела экзема.

– Все налаживается. – Адам отложил ручку и посмотрел на меня. – И все-таки я хотел бы, чтобы мы поехали все вместе. Эм, ты решила окончательно?

– Мы об этом уже сто раз говорили. И ты знаешь, что уехать я не могу. – У меня закружилась голова, и я поспешно села на диван, жалея, что не пообедала. – Только не говори девочкам, что уезжаешь, пока время не подойдет. Элис может разволноваться. Сегодня утром я виделась с ее учительницей.

И я рассказала ему о встрече с миссис Филипс. Слушая, Адам не переставал двигать руками, подравнивая стопки бумаг и раскладывая ручки параллельными рядами.

– Не думаю, что Элис необходимы нотации насчет воровства, – сказал он, дослушав меня. – Нам надо просто...

– ...ничего не делать? Пустить все на самотек? Ее начнут сторониться. Детям не нравится, когда у них пропадают вещи, даже если их потом возвращают. – Я смотрела на руки Адама, выкладывающие телефон и калькулятор бок о бок, словно черных солдатиков. – Может, прекратишь возню? Она сводит меня с ума. Нам надо просто – что?

– Наверное, любить ее, – отозвался Адам и поскреб ногтями кожу у края манжеты. – Сделать для нее дом надежным убежищем.

– Ради всего святого, перестань чесаться. – Я завелась от обиды. – Как у тебя язык повернулся намекать, будто я ее не люблю? Ты же знаешь, для меня она один из приоритетов.

– Каких именно приоритетов, Эм? – Адам встал и похлопал себя по карманам, разыскивая ингалятор. – Их же так много: операции, клиника, исследования...

– А вот это чертовски лицемерно. То же самое можно сказать про тебя. А теперь ты еще и ушел с головой в свой ботсванский проект. – От ярости у меня запылали щеки. – Как давно ты в последний раз серьезно разговаривал с Элис?

– Не далее как сегодня вечером. Я поднимался к ней, когда она играла на скрипке. – Адам сделал пару вдохов вентолина и нахмурился, опершись на стол. – Я обнаружил, что все ее матрешки разбиты. Она сделала это нарочно.

– Не она, Адам, а София. Наверняка это вышло случайно. У Софии был такой виноватый вид, когда я ее спросила. Это точно она, а Элис просто попыталась выгородить ее и взять вину на себя.

Адам взглянул на меня с сомнением.

– А по-моему, ты перемудрила. Элис старается привлечь к себе внимание. Негативное внимание лучше, чем никакого. Пожалуй, надо уделять ей больше времени... Мне кажется, она даже не представляет, как сильно мы ее любим. – Он сделал паузу и почесал шею.

– Конечно, представляет.

– Думаешь? – В его вопросе прозвучало неподдельное желание разобраться.

– Постоянно ей об этом твержу. – Само собой, я лукавила. Я никогда не говорила Элис, как отношусь к ней. Считала, что она знает и так. – И доказываю делом.

Да неужели? И когда же? Впопыхах собирая ее в школу утром, чтобы не опоздать самой, или в спешке доделывая бумажную работу по вечерам? Читать мысли Элис не умеет. Значит, не может быть уверенной в нашей любви. Наверное, Адам прав.

Я повернулась к нему спиной и загляделась на уличные фонари. В тишине снова начался дождь, он ударил в окно кабинета, словно бросив в него пригоршню мелких камешков. В шести тысячах миль отсюда солнце заливало бы изумрудный пейзаж. Было бы жарко. На днях Адам, пытаясь переубедить, скинул мне на почту несколько снимков. На одном из них у озера стояло огромное дерево с раскидистой плоской кроной. Голубая вода искрилась на солнце, трава под деревом казалась густой и мягкой. Я закрыла глаза и попыталась представить себя сидящей рядом с Элис в тени под этим деревом. В воздухе остро пахло бы молодой травой, над озером слышались бы мирные крики птиц. Элис бы разулась. Мы обе гуляли бы босиком. И поблизости не было бы ни единой папки с бумагами.

Адам подошел и встал рядом, глядя, как дождевые капли соскальзывают по темному стеклу.

– Сегодня я забронировал нам билеты в Прованс. Та же вилла и те же две недели. Уж от этого ты не откажешься.

Солнце и покой на целых две недели. Я взяла его руку, поднесла ее к губам и повернула, чтобы поцеловать в запястье. Сыпь под моими губами была горячей и

бугристой.

Глава 4

Лондон, май 2013 года

Заперев двери и опустив жалюзи, я устроилась прямо на ковровом покрытии в своем кабинете, водила холодным зондом по коже собственного живота и, повернув голову, смотрела на экран. Просто быстрая проверка. Месячные пропадают от стресса, от переутомления, от недоедания, а я в последнее время была так занята, что ко мне относилось все перечисленное.

Поначалу я подумала, что ошиблась, что это плотное изогнутое образование в матке – просто помехи. Потом еще раз провела зондом вперед и назад, каждый раз усиливая нажим. Нет, не ошиблась. Вот крошечное, пульсирующее в темноте сердечко, кубики позвоночника, толстый шнур пуповины. Неудивительно, что в последнее время меня пробило на эмоции, даже сейчас по щекам лились слезы. Это ребенок, наш ребенок. Но уже через несколько мгновений в расцветающую радость врезалась тревога. Я позволила этому случиться. Шесть недель назад был момент, когда я могла отстраниться, высвободиться, но я решила этого не делать. Что скажет Адам? Я закрыла глаза. Он обрадуется. Конечно же, он будет рад. Он отчаянно мечтал о третьем ребенке. Сначала не поверит, не сразу примет мои слова всерьез, а потом расплывется в улыбке. И сразу вспомнит, что именно этого и желал всей душой.

Тихо скрипнула дверь. В соседний кабинет пришла Сара. По полу приглушенно простучали шаги, и раздался короткий звон – она запустила компьютер. Лежать на рельефном ковровом покрытии было неудобно. Скоро придется встать и, будто ничего не изменилось, снова взяться за дело. Впрочем, сама я осталась прежней. Мне все так же хотелось всего и сразу. Семью, работу, успех. Я вытерла слезы. Как только малыш родится, я сюда вернусь. Мне нельзя поддаваться эмоциям. Ни сейчас, ни когда-нибудь потом.

– Эмми?..

Я заталкиваю майку себе в рот, но отец все равно слышит. Он входит в мою комнату.

– Прекрати сейчас же. – Он садится на постель. – Она не хотела бы видеть, как ты плачешь.

Мама была бы не против: всякий раз, когда я плачу, она обнимает меня... то есть обнимала.

– Похороны через два часа. Мне нужна твоя помощь. Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю.

Лицо у него опухшее и помятое. Глаза покраснели и кажутся маленькими. У меня щемит в груди. Значит, он тоже плакал.

– Эмоции тянут тебя вниз. Будь сильной, – говорит отец и шершавым пальцем стирает слезу с моей щеки. – Если что-то и поддержит тебя, то лишь ты сама. Это и называется выживанием.

Через неделю он впервые привез меня в тот затопленный карьер.

Надо спешить. Я вгляделась в результаты измерений на экране. Длина от темени до ягодиц – 1,46 см. Пульс 164. Зачатки конечностей есть. Соответствие шести неделям. Я стерла с кожи липкий голубой гель, встала, сделала снимок и сунула его в свой портфель.

Кабинет показался более тесным, чем обычно, и затхлым, неопрятным, словно на этой неделе сюда не наведывались уборщики. Мне захотелось распахнуть окно, но рама с толстым стеклом не открывалась. Окно пропускало сюда свет, но не воздух. Если возникало желание глотнуть кислорода, мне приходилось спускаться вниз на лифте, проходить по коридорам, пробираться через автостоянку, сплошь заставленную машинами скорой помощи, и стоять на асфальте возле мусорных баков, у которых обычно собираются курильщики. А где-то далеко – огромное небо, озаренная солнцем трава, деревья с плоскими

кронами. Покой.

Зазвонил мой мобильник. Адам. Шесть недель назад я отдалась на милость судьбы, надеясь, что, если случится беременность, она окажется кстати. Я не очень представляла, зачем она нужна, а тут еще Адам со своим планом выбил меня из колеи. В тот день я устала и немного выпила. Придется сосредоточиться теперь. Я убрала телефон, не ответив на звонок, но через несколько секунд он зазвонил снова. Если сообщить Адаму о беременности, он уедет в Африку раньше, чем планировал, чтобы успеть вернуться к родам. Я забарабанила пальцами по подоконнику. Адаму вообще не следует уезжать. Он нужен Элис. Нужен мне. Я и так уже устаю сильнее обычного. Через четырнадцать недель, на пятом месяце беременности, я скажу ему, и уезжать уже не будет смысла. Африку придется отменить. Продолжится нормальная жизнь. Он так обрадуется ребенку, что простит меня. Возьмет две недели отпуска, как делал с девочками, а я вернусь к работе через шесть недель. И после рождения ребенка, и теперь мы будем жить по-прежнему, вместе.

Все утро я носила в себе тайну, такую же невидимую и безмолвную, как крошечный живой комочек внутри меня. Был укороченный рабочий день, но я решила задержаться и заняться сбором материалов по заинтересовавшему меня проекту с пережатием пуповины.

Моей помощнице пришлось постучать дважды.

– Звонит ваш муж.

– Дорогая?..

Голос звучал нерешительно, Адам будто собирался просить об одолжении. Он знал, что сегодня днем я свободна. Я ждала, меня подмывало огоршить его известием, но было нельзя. От стыда покалывало кожу.

– Я забыл дома сканы, которые будут мне нужны. Я на совещании, отлучиться не могу, а сразу потом у меня прием в нейроонкологии, и эти сканы как раз понадобятся для первого пациента.

Я услышала, как он отвернулся от телефона и чихнул. Опять астма. Стресс.

– Ну и?..

– Они или на столе в столовой... или на полу возле стола в моем кабинете. Меган согласилась съездить, если ее кто-нибудь впустит, но у Софии сегодня выходной.

– А ты не мог просто дать ей свои ключи?

– Чуть было не дал, а потом подумал: если бы ты встретила ее и предложила чашку кофе, она не чувствовала бы себя девочкой на побегушках. У тебя найдется время?

Я встала, чтобы убрать бумаги.

– Будешь мне должен.

– Ты ангел. Сегодня девочек забираю я, – и он отключился.

Я видела Меган лишь однажды, на парковке у больницы. Средних лет, с гладко зачесанными назад волосами, она казалась усталой и слегка отрешенной. Приглашения к нам на Рождество она всегда отклоняла, и я безуспешно ломала голову, не понимая, что делаю не так.

Женщина, ждущая у наших дверей, преподнесла мне сюрприз: она оказалась моложе, чем мне помнилось, с рыжевато-каштановыми локонами до плеч. При виде меня ее гладкое лицо оживилось. Она шагнула мне навстречу.

– Спасибо вам огромное за то, что вернулись специально из-за меня.

– Вы ведь спасаете Адама. Кофе?

Меган поколебалась, взглянув на изящные часики на своем запястье.

– Уверена, он вполне сможет обойтись без вас еще десять минут. Прием в нейроонкологии начинается в два, верно?

– Вы правы. С удовольствием выпью чашечку.

Она проследовала за мной на кухню.

– Мне следовало послать ему напоминание вчера вечером, но он обычно такой внимательный.

– Адам не просто внимательный. – Бросив на Меган взгляд, я щелкнула кнопкой чайника и достала две кружки с золотыми ободками – последние из подаренного на свадьбу сервиза. – Он и на работе раскладывает ручки на письменном столе строго параллельно?

Меган перестала расстегивать пальто и подняла голову.

– Да!

Она зарумянилась. Видимо, встревожилась, не подвела ли ненароком своего босса.

– Не волнуйтесь. – Я забрала у нее пальто. – Это строго между нами.

Оттенок ее темно-золотистой блузки в точности соответствовал цвету волос. Ставя перед ней кружку, я уловила шлейф дорогого парфюма. Специально для Адама? Интересно, знает ли он. Я оценила ее еще раз: чудесная кожа, ясные карие глаза, ямочка на левой щеке. Цельная, сдержанная. Но не в его вкусе... Нет, так нечестно, у Адама вообще нет никаких предпочтений. Насколько мне известно, он ни разу не взглянул на другую женщину с тех пор, как мы вместе. Я заметила, что Меган с интересом поглядывает на отполированную до блеска плиту «Ага», на сверкающие гранитные столешницы и аккуратно расставленный в шкафу фарфор. От вчерашнего беспорядка не осталось и воспоминаний. Выложенный плиткой пол безукоризненно чист. София умеет придать кухне опрятный вид.

– У вас замечательный дом. – Голос Меган потеплел.

На мгновение мне захотелось притвориться, будто все это сделала я сама, но сказать правду было проще. Меган – занятой человек, она разбирается в

приоритетах.

– У меня есть помощница. Дети учиняют разгром, а мне по утрам вечно не хватает времени навести порядок.

– Элис и Зоуи? – Теперь Меган разглядывала большой черно-белый снимок на стене, сделанный пару лет назад. Все мы выглядели на нем чуточку неестественно. Мои волосы были нарочно растрепаны, будто мне двадцать, а не под сорок. Камера поймала Адама смеющимся. Дети между нами очаровательно сияли. Меган быстро переводила взгляд с одного лица на другое. – Красивые дети, – серьезным тоном отметила она.

– По утрам я еле-еле успеваю выпроводить их за дверь, так что... ну, сами понимаете...

Но у Меган нет детей. Кажется, какие-то проблемы со здоровьем у ее мужа. Адам наверняка рассказывал мне, но я забыла.

– Мой муж всегда дома, – сказала Меган, и в ее тоне промелькнули едва уловимые эмоции. Она оправдывалась, стеснялась.

– Вам повезло. Адама вечно нет рядом, но иногда мне кажется, что без него даже проще.

– Проще? – Меган отпила кофе.

– Если он отсутствует, а с детьми масса хлопот. По крайней мере, тогда меньше готовить... В общем, взаимная компенсация плюс преимущество: никакого секса, если я устала... – Я спохватилась. Что я несу? Ведь мы с ней едва знакомы. Наверное, я слишком расслабилась. К дружеским отношениям с женщинами я не привыкла, среди моих знакомых их почти было.

Меган подалась вперед.

– Поверьте, в Ботсване у вас не будет недостатка в помощниках. Я же выросла там.

Значит, Адам не говорил ей, что я не собираюсь с ним ехать. Все еще надеялся, что я передумаю?

– У меня сохранились связи, – с жаром продолжила Меган. – Адам сказал, что будет очень признателен за все, что я смогу устроить.

Мысленно я металась между возможными объяснениями: это предложение без всяких задних мыслей, искреннее и бескорыстное, или ей известно, что я решила не ехать, и она проверяет, сумеет ли меня переубедить? Может, даже по просьбе Адама? Поэтому она и примчалась сюда?

– Вообще-то, Меган, я не еду, – внятно объявила я. – Адаму известно, что я просто не могу вырвать детей из привычной обстановки и оставить на год свою работу.

– Ах, он не сказал мне. Простите.

Может, все дело было в этих простых словах, в ее улыбке или даже руке, свободно лежащей ладонью вверх на столе, но в последовавшей краткой паузе у меня внутри будто что-то отомкнулось.

– Я не могу взять тайм-аут просто потому, что это устраивает Адама. Добиться того, что у меня есть сейчас, было непросто. Мне пришлось жертвовать временем, которое я могла бы провести с детьми...

Правда, прошлой ночью я вернулась из больницы рано и успела уложить Элис. Я присела на ее постель, когда она читала. И она подняла взгляд и улыбнулась.

– Я сегодня думала о тебе, Элли, – проговорила я. – Одной пациентке понадобилась моя помощь, чтобы родить маленькую девочку. Волосы у нее были черные, как у тебя. Когда ты появилась, такая кроха, папа положил тебя ко мне на живот.

Элис сделала вид, что ее сейчас вырвет.

– Бе-е. Гадость.

Она снова уткнулась в книгу.

– Милая, ты же понимаешь: ты для нас дороже...

Но Элис зажала ладонями уши и зарылась в подушку. Я погладила ее по спине. Ничего из ряда вон выходящего, но я почувствовала, что нам нужно быть вместе дни, а может, и недели... Которых у меня нет. В этом году я отвечала за организацию летней конференции акушеров. Вот и приходилось выкраивать для семьи минуты, где только можно.

– Три года назад меня назначили консультантом, я запланировала исследования, – тихо звучал в спокойствии кухни мой голос. – Отец взял с меня обещание... – Я осеклась. Еще минута – и я разболтала бы Меган, что беременна.

– Вам, должно быть, кажется, что под угрозой все, чего вы добились. Мне не понаслышке известно, каково это.

Вот как? С ее круглыми глазами и сливочной кожей она казалась запечатанной в невидимый кокон спокойствия. Вряд ли ей когда-нибудь случалось вести битвы, в которые ежедневно ввязывалась я. Взглянув в зеркало, я заметила, что мое лицо словно целиком составлено из острых углов и теней, и удивилась тонким морщинкам вокруг глаз и тому, что пришлось напрячь зрение.

– Эндрю работал в лаборатории при больнице, а я тем временем изучала право, но он стал то и дело ронять какие-то пробирки, вот и потерял работу, так что... – Меган слегка пожала плечами. Неудивительно, что они не ходят на вечеринки. Я ошиблась, решив, что ей легко живется: ее сражения, пожалуй, потяжелее моих.

Меган подняла взгляд и улыбнулась.

– Он постоянно дома, и это хорошо. Он помогает мне с животными.

– С животными?

У нее что, свое хозяйство – какая-нибудь ферма? Невозможно представить ее в заляпанных грязью резиновых сапогах и с ведрами пошла в руках.

Меган рассмеялась. Должно быть, заметила удивление на моем лице.

– Вязаными, для детей из хосписа. Эндрю помогает выбирать шерсть. Если разрешите, я подарю пару моих зверьков вашим девочкам.

– Спасибо. Они будут в восторге.

Меган относилась к своим невзгодам легко, но то, чем она жертвовала, на самом деле намного превосходило все, чем была готова пожертвовать я. Взять хотя бы теперешнюю ситуацию с Адамом и Африкой.

– Вы могли бы продолжать работу прямо там. Если передумаете, дайте мне знать. Уверена, я подыщу кого-нибудь... – Она посмотрела вниз: вернулся кот и теперь отирался возле ее ног. Она подхватила его и усадила к себе на колени. Кот был бродячий, оставить его уговорила нас Зоуи. Обычно чужих он не терпел.

– Осторожнее! С незнакомыми людьми он не церемонится.

– Кошки меня любят. – И вправду, Ричард громко замурлыкал. – Я могла бы присматривать за ним, пока вы в отъезде.

Я не ответила, и Меган продолжала:

– Детям понравится в Ботсване. Особенно Элис. Там она была бы избавлена от этой противной школы.

Я невольно сжала зубы. «Особенно Элис»? «Этой противной школы»? Что еще Адам рассказывает ей о нашей семье? В воздухе повисло чувство неловкости, границы были нарушены.

– Скоро начинается прием в клинике, – с этими словами я забрала у Меган Ричарда и спустила его на пол.

Поднимаясь, она задела локтем кружку. Кружка с грохотом упала и рассыпалась мелкими осколками по плиткам пола.

– Простите... – Меган попыталась собрать битый фарфор руками.

– Ничего страшного, я сейчас замету.

Она потянулась за своим пальто с растерянным выражением на лице и плотно запахнула полы. Не следовало мне действовать так резко. Не ее вина, что она в курсе проблем нашей дочери. Если Адам делился с ней семейными неурядицами, то и я только что сделала то же самое. В ней чувствовалось великодушие, ей так и хотелось довериться. По пути к входной двери я захватила сканы из столовой.

– Спасибо, что приехали. – Я протянула конверт Меган. – Не беспокойтесь из-за кружки. В самом деле ничего страшного.

Она неловко помахала мне, спускаясь по ступенькам на улицу.

Я принялась заметать разлетевшиеся по полу осколки фарфора. По утрам девочки прибегают на кухню босиком. Потянувшись метелкой под табурет, я оперлась рукой о пол, и в мою ладонь впился острый, как алмаз, узкий осколок. Я вытащила его. Набухла капля крови, я поднесла ранку ко рту. Чтобы помнить нашу свадьбу, нам не нужен фарфор. Я выбросила собранные осколки в мусорное ведро и отправилась к себе наверх.

Но сразу за работу не села, мешало беспокойство. Некоторое время я постояла у окна. Ричард снова вышел и пристроился у яблони на краю газона. Наш сад безупречен. Территория Адама: аккуратные клумбы и травяные бордюры, порядок, как на его письменном столе. Мне хотелось иметь уголок с полевыми цветами, но, найдя в интернете советы, как его устроить, я посчитала свою затею слишком сложной. Было очевидно, что времени на это мне не хватит. Кот припал к земле и устроился в гущу лаврового куста, подобрав лапки под гладкий живот и подергивая хвостом. Над ним свисали темные ветви яблони, сплошь усыпанные бело-розовыми цветами. Как же я раньше их не заметила? Сначала набухшие почки, а потом распустившиеся цветы. В садах, примыкающих к нашему, все цвело, заборы и изгороди украсились по верхнему краю нежной светлой пеной цветущих крон, а я все пропустила. Приложив ладонь к низу живота, я закрыла глаза и почувствовала, как ее тепло просачивается сквозь одежду. Во мне билось сердце размером с маковое зернышко, билось вдвое быстрее моего. На этом этапе кожа ребенка прозрачна, как лепесток.

За моей спиной хлопнула задняя дверь: София вернулась с курсов английского. Я достала статьи, случайно измазав верхнюю кровью. Прижав к ладони

салфетку, я уселась читать.

Глава 5

Ботсвана, март 2014 года

Нет, погодите, в кроватке что-то есть.

Во вмятине, оставленной головкой, я вижу несколько светлых волосков и блестящий кружок засохшей слюны.

– Ради всего святого, Эм, ничего не трогай! – кричит Адам.

На ковре и на скомканной москитной сетке кровавые отпечатки ног, но это моя кровь: я порезала ступню осколком оконного стекла. Белое одеяльце пропало.

– Надо выйти отсюда. – Адам выпроваживает меня из комнаты. – Полиция захочет все осмотреть.

Значит, теперь это место преступления. У преступника мой сын. Вырываясь из рук Адама, я хватаюсь обеими руками за щеки и царапаю их ногтями.

– Что ты видел? Что видел, когда вернулся домой?

Я кричу на Адама, пока мы идем по коридору. Элис вжимается спиной в стену гостиной. Зоуи стоит рядом с ней, сосет большой палец и глядит на нас.

– Никого... всех... – Адам дышит с сильными хрипами, он едва способен говорить. Девочки испуганно смотрят на него. – Я позвонил в полицию. Они уже едут.

– А ты что видела, Элис?

Пепельно-бледная, Элис молча глядит на меня. Я обнимаю ее за плечи и чувствую, что она дрожит всем телом, словно в лихорадке.

– Элли, ты слышала что-нибудь?

Элис выныривает из-под моей руки.

– Я выйду во двор с Кабо, – тяжело дыша, решает Адам. – Никуда не уходи. Побудь с девочками.

Я сажусь на пол и притягиваю к себе дочерей. Зоуи забирается ко мне на колени. Элис я держу за руку, холодную и негнущуюся, как у куклы. Адам выходит из комнаты.

– Что случилось, Зо-Зо? – Я прижимаюсь к Зоуи щекой, но она снова начинает плакать. Рыдает горько, с содроганиями. Я крепко обнимаю ее. В ушах рокочущий шум. Кто-то прикасается к моей руке: это Элизабет со стаканом воды. Я подношу стакан к губам и выпиваю воду залпом.

– Что ты видела, Элизабет? – Дети вздрагивают от моего резкого голоса.

– Ничего. – У Элизабет испуганный вид. – Я была в саду с девочками.

– А Джосайя? Теко?

– Джосайя спит. Что ребенок пропал, обнаружила Теко.

– Где она сейчас?

Элизабет тычет пальцем в заднее окно. Я поднимаюсь, чтобы взглянуть: Теко едва видна, только ее белая рубашка мелькает с каждым взмахом факела над тростником у пруда. Рокот у меня в ушах усиливается.

– Я не могу сидеть сложа руки, когда все заняты поисками.

– В деревне живет вождь Момотси, – говорит Элизабет. Это имя мне знакомо, мои пациенты упоминали о нем. Момотси важная птица, местный лидер. – Он вам поможет. – Элизабет кивает.

– Прямо сейчас и поеду. – Я оставляю детей и бросаюсь к крючкам вешалки, нашариваю на них ключи Адама, хватаю с полки над головой оставшийся фонарь и зову к себе девочек.

В дверях мы сталкиваемся с Адамом. Он сутулится и тяжело отдувается. Хватает меня за руку.

– Подожди. Полиция...

Я стряхиваю его руку.

– Господи, да возьми ты этот чертов ингалятор, он в верхнем ящике комода в нашей спальне. Полицию мы можем ждать несколько часов. Я еду к вождю в Кубунг, девочек беру с собой.

– Эмма...

– И спроси Теко, какого черта ее не было рядом с Сэмом сегодня днем, – кричу я, сбегая с крыльца к джипу. – Она ведь должна была присматривать за ним!

Девочки несутся рядом, как мотыльки в темноте. Быстро забираются на подножку, переваливаются через дверцу и падают на переднее сиденье одновременно с пробуждением двигателя. Элис обнимает одной рукой Зоуи. Они сидят, прижавшись друг к другу.

В дверях появляется Адам, машет руками и бежит к нам. Вильнув, я объезжаю его, джип задевает ствол жакаранды, из ветвей со вскриком выпархивает птица. Белые круги вокруг оранжевых глаз – бледный филин. Он уносится в темноту. Как странно: Адам неделями ждал случая его увидеть.

Мы выезжаем на дорогу, в лучах фар танцует мошара, жуки шмякаются на ветровое стекло и разбиваются насмерть. Мои груди чуть не лопаются от молока, подпрыгивая на каждом ухабе. Сэм голодный. По моему лицу ручьем

льют слезы, жестокая судорога сводит живот.

Элис вглядывается в обочину со своей стороны, я – со своей. Проходит несколько минут, она кричит, чтобы я остановилась, и указывает на кювет. Я торможу и выбираюсь из машины, чуть не роняя фонарь. Изогнутое пятно оказывается собакой Джосайи. Рыжая шерсть в свете фонаря выглядит блеклой. Полголовы снесено, вся спина покрыта шевелящейся массой червей.

Глава 6

Лондон, май 2013 года

Прием в нейроонкологии затянулся допоздна. Лишь в девять Адам вернулся с розами в руках. Тугие бутоны слегка привяли. Он поставил на стол бутылку вина и вынул из пакета стопку картонных коробок. Из-под покрывающей их фольги местами просочился оранжевый соус.

Я сидела на кухонном подоконнике с ноутбуком на коленях, слегка приоткрыв окно, чтобы чувствовать слабый аромат цветущей яблони. О еде я забыла. Адам аккуратно разлил вино и подал мне бокал.

– Меган сказала, что ты приняла ее очень радушно.

Я покачала головой. Ничего подобного, она уехала расстроенная. Я поставила бокал на подоконник, наблюдая, как между изогнутых стенок колыхнется мениск рубиновой жидкости. Надо бы позвонить ей и уверить, что разбитая кружка на самом деле пустяк, и предложить угостить обедом.

Адам поставил розы в вазу и принялся раскладывать по тарелкам горки ярко-желтого риса и оранжевые куски курятины. По кухне расплылся пряный запах тикка-масалы. У меня сжался желудок.

– Мне только половинку, Адам.

Он замер, занеся ложку над коробками с дымящейся едой. Обычно на аппетит я не жаловалась.

– Я уже поела вместе с девочками.

Это неправда, но я была на кухне и отвечала на звонок из больницы, пока они ужинали вместе с Софией. Та приготовила польские клецки, лоснящиеся и крапчатые от пряностей. Видимо, чтобы загладить вину за разбитые матрешки. Элис была бледна, но увлеченно болтала с Софией.

– Тогда наан? – Адам протянул мне теплую лепешку, я села за стол и вгрызлась в ее пресный мякиш. – Занятный был день, – с негромким вздохом облегчения Адам уселся напротив меня. – Мне позвонил из Ботсваны некий Кабо. Он готовит диссертацию в лаборатории Джонатана. Это с ним мне предстоит работать. Судя по голосу, он настроен очень дружелюбно и готов трудиться под моим руководством. Все жалел, что не познакомится со всей семьей... – Адам бросил на меня взгляд и продолжил: – С финансированием утряслось, теперь остались кадровые проблемы и надо определиться с центром тестирования...

Я перестала слушать. Чувство вины комом застряло у меня в горле. Адам еще не знал, что все его планы пойдут прахом. Каково ему будет обнаружить, что я беременна и что съездить в Африку он уже не успеет? Он поймал мой взгляд и коротко улыбнулся. Мы чокнулись бокалами. Я поставила свой на стол нетронутым, но Адам не заметил. Может, показать ему снимок прямо сейчас, пока он улыбается? Сказать, чтобы уезжал поскорее, пока еще не поздно?

Я отложила вилку и устремила взгляд в темное окно, заставляя себя вспомнить, сколько шансов упустила из-за детей и как разрывалась между семьей и работой, а он в это время пользовался свободой. Две предыдущие беременности я продержалась, но тогда Адам был рядом, хоть и на втором плане. Сквозь эти мысли проступило бледное личико Элис. Мы оба были ей нужны. Я старалась помнить об этом и о том, что рождение ребенка быстро вытеснит разочарование Адама.

– Ты что-то сегодня тихая, Эм. Что случилось?

Надо собраться с силами.

– Задумалась об Элис.

Это чистая правда: об Элис я теперь думала постоянно. В непрестанном гудении моей тревоги о ней я то и дело различала беспокойные шепотки: стоит ли нам говорить о ее мелком воровстве или лучше не упоминать о нем, дать ей больше свободы и времени или попытаться сблизиться? Решения на работе принимать было просто. Существовали правила, которым требовалось неуклонно следовать, и я четко знала, когда стимулировать роды, что предпринять при кровотечении во время гистерэктомии или как лечить распространенную опухоль яичника. Ах, если бы существовал готовый рецепт воспитания детей! Я прилепила бы его на дверцу кухонного шкафа и использовала в экстренных случаях. А сейчас, в который раз заведя разговор об Элис, мы устало плелись по замкнутому кругу, но так никуда и не пришли.

Мы поднялись наверх ее проводить. Элис заснула с книгой, рассыпав темные волосы по подушке. Я поцеловала ее первой, Адам потом. Она чуть было не проснулась, что-то пробормотала и снова положила голову на подушку. Аккуратно склеенные матрешки стояли рядом на полке. Я осторожно вложила их одну в другую. Щетка для волос, расческа и маленький флакончик с дезодорантом были ровно выстроены на туалетном столике. Даже заколки разложены строго по цветам. Некоторое время мы смотрели на них. Адам чуть пожал плечами – его гены.

Зоуи спала в окружении плюшевых игрушек, сунув большой пальчик в рот. Ее одежда была разбросана по полу. Я собрала ее. От наших поцелуев младшая дочь даже не пошевелилась.

Позднее, пока мы раздевались, я снова вспомнила о снимке, спрятанном в моем портфеле. Мне самой до сих пор не верилось в мою беременность. Неверие переплеталось с чувствами вины и радости. Я повернулась к Адаму и скользящим движением обвила его тело. Мы придумали некие правила, и сегодня была моя очередь командовать. Адам понятия не имел, насколько выигрышнее теперь моя позиция.

Наконец наши покрытые испариной тела разделились. Мы лежали, держась за руки. Адам повернул ко мне лицо, а я глядела на мелкие, как булавочные головки, звезды за оконным стеклом. Шторы я так и не повесила: мне нравилось видеть с постели фрагмент ночного неба, пусть даже обрезанный высокими зданиями и в оранжевых пятнах засветки от фонарей. Мне все равно удавалось

представить за этими звездами космическое пространство.

Раньше я искала в небе маму. А если бы нашла, рассказала бы, что у меня нового. И она порадовалась бы за меня. По крайней мере, так мне казалось. Мне было всего пять лет, когда она умерла, я запомнила торт, который она испекла на мой день рождения, и ее улыбку в отблеске свечей. Волосы у нее были темные, как у Элис. И веснушки как у Зоуи. Опухоль мозга. Все кончилось за шесть недель, сказал мне потом отец, но запах больницы, ее тонкая, с голубыми венами рука на белой простыне и вкус соседской еды придали особый оттенок всему моему детству. В годовщину ее смерти и в свой день рождения я смотрела на звезды. Ночью накануне дня, когда мне исполнилось десять, я искала ее в небе.

Жесткая трава под ногами. Деревья в лунном свете.

Ветер треплет мою ночнушку. Лицу холодно.

Ты там? Прячешься где-нибудь среди звезд или за луной? Ты меня видишь?

Открывается дверь. Хрустит гравий. Дыхание с запахом виски.

– Эмми?.. Что ты здесь делаешь, детка? Двенадцатый час.

Отец подхватывает меня на руки, хотя я уже довольно тяжелая.

– Не плачь. Ты ведь не думаешь, что я забыл про твой день рождения, правда? Слушай, я приду к тебе на соревнования.

Щека, к которой я прижимаюсь лицом, мокрая. От его слез или от моих?

Позднее я тихонько пробираюсь вниз, чтобы проверить, как он. Отец сидит на кухне, голова болтается, на столе полупустая бутылка виски. И какой-то сверток рядом с ней.

Я на цыпочках возвращаюсь в постель, сердце колотится. А если и он умрет? От тоски? Или от пьянства?

– Как же ты будешь справляться без меня? – Сонный голос Адама отчетливо прозвучал в темноте. По тону ясно: он считает, что даже без него мы справимся прекрасно.

– Пожалуй, найму еще помощника. – Я отвернулась и поплотнее закуталась в одеяло. – Возможно, репетитора, чтобы помогал девочкам с уроками, пока я на дежурствах.

Когда он увидел следующим утром, как меня рвет, я свалила вину на карри.

Тем вечером София отдала мне посылку, которую принесли с дневной почтой. Надпись на открытке была простой и краткой:

Дорогая Эмма,

спасибо Вам за кофе. Извините, что я разбила кружку.

С уважением,

Меган

Под многослойной упаковкой обнаружилась яркая фарфоровая кружка с изящно изогнутой ручкой и изысканным узором из бледно-розовых цветов. Она разбавила ряд нашего скучного белого фарфора на полке.

Днем одну из операций отменили. Я ждала следующую в ординаторской и боролась с подступающей тошнотой. Запах дешевого печенья и чая с молоком словно сочился из прорванной обивки дивана. Напротив меня сидели бок о бок две операционные сестры. Одна средних лет, со свисающими из-под шапочки жидкими седыми прядями. Рукава зеленой хирургической робы туго обтягивали

ее пухлые руки выше локтя. Ее подруга была моложе, стройнее, с аккуратно подобранными темными волосами и поблескивающим крестиком на цепочке. Они смеялись и шушукались, постреливали глазами по сторонам и совали руки в один на двоих пакет чипсов. Случайно встретившись взглядом с той, что постарше, я пристыженно отвернулась, будто позарилась на то, что мне не принадлежит, и меня поймали на этом.

Моими коллегами были в основном мужчины, между нами установились дружелюбные, но неглубокие рабочие отношения. Джоан Ридли-Скотт, вторая и единственная, не считая меня, женщина-врач в отделении, вечно была чем-то занята. Обычно она успевала лишь подмигнуть поверх своих очков-половинок, столкнувшись со мной в коридоре. Ее седые волосы были стянуты в неряшливый узел, держалась она доброжелательно, но отстраненно. Отвозя детей в школу слишком рано и забирая их поздно, я не встречалась у школьных ворот с другими матерями. Мне всегда представлялось, что дружба требует затраты сил и накладывает определенные обязательства, что для того, чтобы она завязалась, необходимо время. Но сегодня я позавидовала простоте и близости отношений между сидящими напротив меня женщинами. Они выглядели сестрами. Впрочем, и сестры у меня не было тоже. Мы с Адамом – единственные дети уже умерших родителей. Порой казалось, что нас окружает гулкая пустота, что наша семья занимает место, которое должно было принадлежать другому, более многочисленному семейству. Еще раз украдкой взглянув на противоположную сторону стола, я подумала, что, возможно, именно ее мне и не хватало, родной сестры.

Я встала и выбросила свой пластиковый стакан в мусорное ведро. Направляясь в помывочный блок, я вынула телефон и написала Меган сообщение, в котором поблагодарила ее за кружку и предложила пообедать вместе в соседнем кафе на следующей неделе. Я скребла руки щеткой, поворачивая их то одной, то другой стороной под струей горячей воды. Мышцы моих ладоней более сильные и развитые, чем у большинства женщин. Моим рукам приходится сражаться с помощью хирургических инструментов. Зажимать, резать и шить в условиях ограниченного времени. Мне вспомнились ладони Меган, лежащие на кухонном столе. Такие гладкие, безмятежные и кроткие, какой казалась она сама. Они-то могли позволить себе спокойно ждать, времени им хватало с избытком.

Звук женских голосов волной ударил мне в лицо. Женщины ели, болтали и смеялись. Я помедлила на пороге кафе. Мне следовало бы сидеть сейчас за

письменным столом, это не мой мир. Я уже начала писать сообщение с извинениями, но заметила Меган в дальнем углу зала. Она меня еще не видела. На ней был синий жакет в цветочках, она сложила руки на столе и склонила голову в ожидании. Я убрала телефон.

– Как чудесно, – заговорила Меган, когда я скользнула на место напротив нее. – Мы с Эндрю никогда не едим вне дома. Разумеется, я совсем не против, но уже забыла... – Она умолкла и засмотрелась на стоящую на столе вазу с розовыми розами, как будто напоминаящими о разнице между едой в ресторанах и домашними трапезами, которые сопровождаются изнурительной обязанностью каждый раз собственноручно накрывать на стол и давным-давно не связаны с праздниками или даже с возможностью просто расслабиться. Я вдруг задумалась, случилось ли ей когда-нибудь кормить Эндрю с ложечки.

– Мы тоже не выходим, – сказала я. – Разве что на отдыхе.

В ожидании еды мы разговорились об отпусках. Меган показала мне на своем телефоне снимки, сделанные три года назад: она на пляже рядом с рослым мужчиной, опирающимся на трость, ветер треплет пряди его волос, занавешивая глаза. Потом она посмотрела мои снимки, в основном детские, сделанные на побережье Франции. Листая их, я помедлила на фото Элис в лодке: лицо крупным планом, в глазах отражается вода и пляшут солнечные искры, рот приоткрыт в широкой улыбке, щека испачкана мороженым. Меня охватило смутное ощущение какой-то потери. Я убрала телефон и огляделась, словно надеясь обнаружить пропажу среди столов и стульев этого многолюдного кафе. Что она собой представляла, я не знала.

При разговоре Меган бессознательно прикасалась к розам, словно поправляя лепестки. Она рассказывала об Эндрю. Фоновый шум стих, солнце заглянуло в открытое окно, и наши столовые приборы засверкали, как сокровища. Я успокоилась, будто, выйдя за пределы моего привычного мира, обнаружила еще один такой же.

Пока мы пили кофе, Меган позвонила. Извинившись, она почти сразу встала из-за стола. Эндрю упал и не мог подняться. С выражением тревоги на лице она поспешно ушла.

Лишь тогда я заметила рядом со своей тарелкой коричневый пакет. Должно быть, Меган вынула его из сумки вместе с телефоном. В пакете обнаружили два маленьких вязаных льва с гривами из шерстяных ниток, красными ленточками на шеях и ярлычками «Для Элис» и «Для Зоуи». Позднее Меган написала мне, что Эндрю запаниковал, но теперь он в порядке. Мы договорились попробовать встретиться еще раз через пару недель.

Глава 7

Прованс, август 2013 года

Элис доела свой круассан, откинулась на стуле и закрыла глаза. Я ощутила глубоко внизу живота легкое подрагивание, словно затрепетала крыльями бабочка, пойманная в ладони. Во дворе было тихо, лишь в тимьяне монотонно гудели пчелы. Нас окутывал пыльный запах разогретого камня.

– Совсем бы домой не уезжала, – прошептала Элис, будто говорила сама с собой или молилась.

Мы с Адамом переглянулись поверх ее головы. Оставалось два дня. А если бы мы могли? Тогда продолжилась бы череда вольготных дней: купания, игры, отдых, и моя работа, легко вписавшаяся в этот безмятежный распорядок. Хватало бы времени и поговорить, и приготовить еду, и почитать. Адам молчал и, наверное, думал о том же.

Пчела села на мою тарелку и поползла по остаткам абрикосового джема. Прилетела еще одна. Собираясь встать, я отодвинула стул, его металлические ножки заскребли по старому камню пола. Понадобилось несколько мгновений, чтобы глаза привыкли к пещерному сумраку кухни. Мы, конечно, вернемся домой и подхватим нити прежней лондонской жизни. Девочки снова пойдут в школу, Адам вернется на работу, и я тоже. Нормальная жизнь снова вступит в свои права.

«А что насчет нашей нормальной жизни?» Эхо вопроса, который я задала Адаму, услышав от него про Ботсвану, зазвучало в тишине, отражаясь от толстых неровных стен и высоких полок, заставленных синим и красным фарфором. Что я имела в виду? Нормальная жизнь – это ежедневные поездки в школу по пробкам, а потом – палатный обход, клиника, бутерброд перед компьютером у меня в кабинете, операции допоздна, встречи в лаборатории и возвращение домой, чтобы срываться на детях и Адаме, шлепать на стол разогретые полуфабрикаты и вечерами напролет разгребать электронную почту. Через несколько дней эта гонка возобновится и будет продолжаться целый год, до следующего отпуска, не считая краткой передышки на Рождество. Я взяла с комода свой ноутбук и направилась через сад к столу под оливой у дальнего конца бассейна.

Дети прибежали через несколько минут. Элис нырнула в бассейн стройной и легкой ласточкой. Зоуи подпрыгнула и шумно плюхнулась, подняв тучи брызг. Адам составил девочкам компанию. Я сделала фото на телефон. В одной из очередных пробок под ноябрьским дождем, косо расчерчивающим ветровое стекло, я взгляну на этот снимок и вспомню лазурь воды, аромат лаванды с полей вокруг виллы и насыщенный вкус и сочность мягких желтых абрикосов, падающих в траву с дерева у стены.

Адам плыл, поблескивая мокрыми плечами. Цепляясь за его шею, Зоуи покрикивала, подбадривая Элис, которая держала темп наравне с ними. Ее руки так и мелькали в воде. Чтобы сделать вдох, она при каждом гребке поворачивала голову. Всмотревшись в ее лицо, светящееся изнутри неистовой радостью, я впервые подумала, что совершаю чудовищную ошибку.

Меган живописала мне Ботсвану, добавляя по несколько новых мазков при каждой нашей встрече. Я уже отчетливо видела безмолвные равнины, дружелюбный народ, озаряющий все вокруг солнечный свет. Запрокинув голову, я засмотрелась на безоблачную синеву в просветах между узкими зелеными листьями. Последние две недели мне работалось здесь гораздо плодотворнее, чем дома. В негустой тени этой оливы мне было лучше, чем в душном кабинете. В чем дело? В ясности света? В жаре? Ситцевое платье прилипло к моей спине, пальцы порхали по клавишам. Я работала сосредоточенно, словно со скальпелем в руках. Вчера я обновила материалы к своей аттестации и подготовила отчет о клиническом случае рака матки. Все сроки давно прошли, ведь до отъезда во Францию мои мысли были всецело поглощены летней конференцией. А теперь мне представился первый удобный случай наверстать упущенное, и я строчила со скоростью мысли.

– Мама, иди к нам!

Мокрые пальцы Элис прохладно коснулись моих отекавших ступней, рисковавших выдать мою беременность. Подтянувшись на бортике бассейна, чтобы достать до меня, она опиралась другой рукой на голову Адама, пока тот, слегка похрипывая, переводил дух между заплывами. Меня заворожил вид ее сияющего лица. Когда я в последний раз видела Элис такой же счастливой? В прошлом году? Три года назад? Когда она только училась ходить?

Я наблюдала, как золотая сетка светотени расширяется и сокращается в качающейся воде. Лондон в качестве семейной гавани – это очень благоразумно. Я зажмурилась, при этом озаренное солнцем личико Элис затенилось моими прикрытыми веками и побледнело, будто окаменев, а ее глаза стали не видны.

В Африке было бы жарко, как здесь, свет был бы таким же ясным и чистым. Для общения с Элис хватало бы времени, и Адам смог бы заниматься своим проектом. Зоуи очутилась бы в своей стихии, а жизнь малыша началась бы под солнцем. Если бы мне удалось работать так же успешно, как здесь, во Франции, я не отстала бы от Адама. Я вела бы свои исследования, сочетала творческий отпуск с отпуском по уходу за ребенком и к возвращению на работу успела бы опубликовать несколько статей. Чаши весов по-прежнему были бы уравновешены.

В последние четыре недели у меня начал понемногу расти живот, но одежда скрадывала его. Я громко сетовала на то, что толстею, Адам слушал, развесив уши, и охотно верил. Он говорил, что всегда мечтал о жене-пампушечке и что теперь-то я наконец сбавлю темп, ведь с таким грузом не побегаешь.

Я сбросила широкое длинное платье и, в одном бикини выйдя под солнце, окунулась в его тепло и свет и задумалась, ощущает ли эту яркость малыш. Адам оглянулся раз, потом другой и расплылся в улыбке, увидев, как я ныряю в воду.

Он ждал меня в мелкой части бассейна, и едва я высунулась, чтобы глотнуть воздуха, прижал к стене. После прохлады воды его губы показались мне восхитительно жаркими.

– И ты так долго хранила эту прекрасную тайну?

Зеленовато-карие прозрачные глаза Адама удивительно красиво сочетались с его загорелым лицом. Я вглядывалась в них, соображая, как ответить. Не имело смысла объяснять, что моя уловка была намеренной.

– Это вышло случайно. Я так... удивилась, когда узнала, что даже не поняла, чего хочу, – оправдывалась я, слушая, как учащенно колотится сердце. Поверит или нет? – Мне понадобилось время, чтобы во всем разобраться. Но я уже справилась.

Ведь это, в сущности, так и есть.

– Ну и?.. – Адам подхватил меня под подбородок мокрой ладонью.

Я взялась за его плечи и позволила ногам и телу всплыть на поверхность воды. Невесомость ощущалась как облегчение.

– Мы едем в Африку вместе, все пятеро.

Адам прищурился, словно почувствовав мою уклончивость. Собрался бросить мне вызов? Выяснить подробности? Вскоре его лицо смягчилось. Я видела, что он борется с сомнениями, но не хочет портить такой момент – ведь он получил все, чего желал. В его объятиях я чуть не задохнулась.

Элис плыла к нам, широко улыбаясь. Мне не хотелось портить ей радость: обилие перемен она могла воспринять как угрозу.

– Давай расскажем, что едем в Африку, а про ребенка пока не будем, – прошептала я в мокрый изгиб ушной раковины под моими губами. – Не все сразу, хорошо?

Адам кивнул, обернулся и сгреб Элис в объятия.

Я была во дворе, срывала базилик к обеду, когда позвонила Меган. В ее голосе слышалась улыбка.

– Я получила ваше сообщение. Вы едете все вместе, это замечательно!

– Именно так. – Я поднесла к лицу блестящие веточки. От их острого аромата защищало глаза.

– Почему же вы передумали?

– В основном из-за Элис, солнца и... – Я замаялась. Слишком уж заветной была тайна.

– Незачем продолжать. Я и так знаю, – весело подхватила Меган.

– Откуда? – Я вернулась на кухню и положила зелень на разделочную доску.

– Эмма, мы ведь обедали вместе... сколько всего? Шесть раз? – Голос Меган звучал ласково, но с легкой обидой. – Разве я могла не заметить? А как же ваша все более и более просторная одежда? А очертания вашего лица?

Я взглянула в зеркало у холодильника: даже в сумеречном свете были видны мои округлившиеся щеки и блестящие, как у кошки, глаза. И волосы стали гуще. Но я была слишком занята делами, чтобы обратить на это внимание, и Адам тоже. Бросив нарезать помидоры, он обнял меня и присоединил отражение своего лица в зеркале к моему.

– Привет, беременная жена, – шепнул он, целуя меня в плечо. – Мы тут насмерть проголодались.

И я попрощалась с Меган.

Тем вечером я прилегла в постель к Элис. Устав от купания и восторгов из-за Африки, она повернулась спиной и тесно прижалась ко мне, глядя в распахнутое окно на оливы под луной. Приставив ступню к моей голени, она поджимала и расправляла свои теплые пальчики. Из сада долетал слабый аромат лаванды и тимьяна. Зоуи приткнулась ко мне с другого бока. Я читала вслух «Гензель и Гретель» из книжки братьев Гримм, которую она всякий раз брала с собой в поездки. Эта сказка вызывала у Зоуи страх и обожание. В разгар чтения она

придвинулась ко мне плотнее и оглянулась через плечо.

– А во Франции ведьмы есть? – Она вынула большой пальчик изо рта. – Они едят людей?

– Это же просто сказка, Зоуи, – сонно откликнулась Элис. – Ничего такого не бывает.

– Ну и ладно, – послушно согласилась Зоуи и снова сунула пальчик в рот. А через минуту уже крепко спала.

Я лежала, обнимая моих дочерей и глядя, как в темнеющем небе восходит луна. Не было ни единой причины, по которой жизнь в Африке могла оказаться не идеальной.

Глава 8

Лондон, сентябрь 2013 года

Три часа ночи, экстренное кесарево. Края кожи разбежались под моим скальпелем, обнажив прослойку жира с красными прожилками сосудов. Запах сырой плоти распространился по операционной.

Дистресс-синдром плода. Осложненные роды. Неопытный ординатор вовремя не выявил ягодичное предлежание. Принять решение об операции было легко. Провести ее – тоже. Рассечь фасции, разделить прямые мышцы живота, сделать разрез в стенке матки, отсосать смесь околоплодных вод и мекония и проникнуть внутрь, двигаясь неуклюже из-за собственного раздувшегося живота. Несколько напряженных секунд ушло на то, чтобы раскачивающими движениями высвободить зажатые плечики, а затем извлечь и все скользкое тельце. Прерывистый крик, широко раскинутые белые стебельки рук. Мокрая, перепачканная кровью, здоровенькая девочка. Я передала ее стоящему наготове педиатру. У меня ныла спина. Теперь, на двадцать четвертой неделе беременности, наклоняться было все труднее. Но останавливаться нельзя, я

могу доверить ассистенту лишь наложение швов. О том, чтобы сдать, не может быть и речи.

– Чем крепче прижмет, тем сильнее ты станешь.

Отец говорит это и улыбается. Мы в машине, по пути в бассейн. Шесть утра, идет дождь. Я улыбаюсь в ответ, теперь это легко. Отец улыбается, если я побеждаю. Сразу видно, что он доволен. Больше ест, снова читает книги, прекратил пить.

Совершенство достигается практикой – вот что он еще говорит. И твердит, чтобы я никогда и ни за что не сдавалась.

Каждое утро повторяется одно и то же. Отец читает у бассейна газету, пока я тренируюсь. Ему кажется, что это мне необходимо. Ну и как мне объяснить, что все совсем наоборот?

У меня есть тренер, мы прорабатываем с ним то одно, то другое. Сегодня это руки: под каким углом погружать их в воду, как складывать пальцы. Я проплываю дистанцию за дистанцией, сосредоточившись на движениях рук.

И никогда, ни за что не сдаюсь.

Я сконцентрировала внимание на открытой ране, плаценте и кровотечении. Болтовня акушерки поутихла, влажная маска прилипла к моему лицу.

Через двадцать минут я закончила операцию, а еще через пятнадцать, медленно пробираясь в тусклой серости раннего утра, вела машину через Хампстедскую пустошь. Кучи листьев темнели вокруг деревьев и вдоль кюветов. Молодой лис рысью перебежал через дорогу, чуть не угодив под колеса. Пришлось ударить по тормозам. Лис поднял голову. Должно быть, он видел машину, но не придал значения опасности, слишком большой и близкой, но чужеродной. Белый кончик его хвоста мелькнул и исчез в кустах. Дикие обитатели пустоши днем обычно прячутся. Свернув на обочину, я приоткрыла окно и стала осматриваться в надежде увидеть еще кого-нибудь. Прохладный ветерок принес запах мокрой

травы и прелой древесины, а уже через несколько минут с ближайших деревьев стали доноситься птичьи трели. Мои руки бессильно отпустили руль, а по щекам вдруг покатились прохладные слезы.

Мимо медленно проехала полицейская машина. Мужчина с усталым лицом посмотрел на меня через боковое стекло, пожалуй, даже добродушно. Я включила зажигание, откинула голову на подголовник, расслабила ноющие мышцы шеи и принялась разминать их, поворачивая голову из стороны в сторону. Перед моим мысленным взором прокручивалась только что законченная операция, и я вспоминала, не допустила ли каких-нибудь ошибок. Нет, ни одной, все прошло гладко. Вот только имя пациентки я забыла. Или вообще не знала? Да какая разница? Ведь я ей не подруга, а акушер, принимающий роды. Она нуждалась не в дружбе со мной, а в моем мастерстве. Я повернула машину на нашу улицу и позволила ей потихоньку скатиться под горку прямо к дому. Операция прошла очень быстро, и мозг ребенка не пострадал от кислородного голодания. Интеллект девочки будет в норме, швы у матери затянутся, и этого достаточно. Я вышла из машины и оглядела пустую улицу – ряд домов с зашторенными окнами. Если мне и следовало сделать нечто большее или стать чем-то большим, от меня это утаили.

Адам спал, лежа на боку. Я подняла жалюзи, чтобы впустить свет, открыла окно, села на постель и вгляделась в его лицо. Во сне он казался моложе, почти таким, как при нашей первой встрече, хотя уже тогда был более взрослым, чем мы, все остальные. Зрелый и организованный, он уже успел сменить карьеру и покинуть Сити. Свои записи он собирал в папки, снабжал перекрестными ссылками, сносками и указателями. У него всегда все было под рукой, а мои неряшливыми стопками валялись по всей комнате, соскальзывали с письменного стола на радиатор, разлетались по полу. Меня, столь безалаберную по натуре, он прельстил своей упорядоченностью.

Наклонившись, я легонько коснулась губами его волос, ощущая разницу между пружинистыми седыми и шелковистыми черными прядями. Потом разделась, бросив одежду в сторону стула, на который Адам вешал свои тщательно сложенные брюки. Что-то не долетело и упало на пол, остальное повисло поверх его вещей. Адам наверняка заметит это и обидится. Брак и даже дети ничего не изменили. Под натиском хаоса его пристрастие к порядку лишь закрепилось на прежних позициях. Тусклый утренний свет выхватил надпись на корешке толстого тома, лежащего на тумбочке Адама, – «Энциклопедия

южноафриканской фауны». Должно быть, он делал выписки.

Осторожно приподняв одеяло, я скользнула к мужу, повернулась, продвинулась от края кровати к середине и прижалась к его горячему телу. От тепла мои конечности словно растаяли. Где-то высоко, под грудью, принялся легко пинаться малыш. Адам, не просыпаясь, прильнул ко мне и обнял одной рукой. На сегодня я взяла отгул и могла расслабиться, но пока надо мной смыкалось черное покрывало сна, я припоминала список дел на завтра. Кофе с Меган, встреча с миссис Филипс, распечатка материалов для исследований, ведь на интернет в Ботсване не стоит надеяться...

Я вынырнула из глубин сна на яркий утренний свет и увидела склонившееся надо мной лицо Адама. Узкий луч раннего солнца падал сбоку, оттеняя глубокие складки между его бровями и слабые следы шелушащейся сыпи вдоль границы роста волос.

– Что случилось прошлой ночью? Почему твоя ассистентка не справилась сама?

Он наклонился поцеловать меня, и я ощутила вкус зубной пасты и кофе.

– Вовремя не диагностированное ягодичное предлежание у первородящей. Франческа запаниковала.

Адам кивнул, выпрямился и отошел к шкафу. Будь мы все еще во Франции, мы проснулись бы вместе и занялись любовью в залитой солнцем комнате. Я неуклюже перекатилась на край кровати и стала подниматься.

– На что ты потратишь свой выходной? – с еле заметным оттенком зависти спросил Адам.

– Встретимся и выпьем кофе с Меган, потом поеду к миссис Филипс... – Я умолкла, в дверях, глядя на нас, возникла и остановилась Элис. Зоуи протолкнулась мимо нее, подставила лицо для утреннего поцелуя и снова убежала. Я слышала, что София зовет девочек завтракать, но Элис не уходила. – Привет, милая, – должно быть, она услышала имя своей учительницы. – Миссис Филипс даст мне сегодня задания, которые ты будешь выполнять в Африке.

– А если я с ними не справлюсь? – Голос Элис дрогнул. – Когда мы вернемся, я уже отстану от остальных.

– Ты справишься, Элли, а если понадобится, мы можем найти репетитора. Согласна?

Она кивнула и скрылась за дверью.

– Прекрасная мысль. – Адам приблизил лицо к зеркалу и на миг оскалил зубы, убеждаясь, что вычистил их как следует. – Говорил же тебе, ее нужно просто подбодрить. И поездка во Францию прилась кстати. – Еле слышно посвистывая, он опустил подбородок вниз и застегнул рубашку. Потом поднял голову. – Значит, Меган теперь твоя подруга. Вот бы не подумал, что она тебе подойдет.

Подойдет. Он имел в виду – похожа на меня? Похожим на меня людям я не доверяла. Амбициозны, не просты, не собраны. А Меган излучала спокойную надежность.

Я побрела к стулу, клонясь назад, чтобы уравновесить тяжесть живота. Мы что, теперь боремся еще и за внимание его секретарши? Она работала неполный день, но Адама, наверное, раздражали наши совместные обеды или ее готовность ездить по вторникам за девочками, обеспечивая мне возможность без спешки закончить прием.

– Мне она нравится, Адам. Она искренняя. И добрая. – Я вгляделась в его лицо. – Что-то не так?

– Думаю, нет. Меган обожает участвовать во всем подряд. – Адам обнял меня и улыбнулся. – Нам незачем ссориться из-за нее. – Он слегка похлопал по моему животу. – Здорово же он вырос.

Он? Я почти не сомневалась, что это девочка. Крошечная девочка, ведь она толкалась совсем как Элис, и тошнило меня точно так же. И внешне она будет похожа на Элис – маленький темноволосый эльф. В снимок я не вглядывалась, мне нравилась некоторая степень неопределенности, но все равно я знала.

– Не пора ли объявить девочкам? – Адам наклонился, чтобы зашнуровать ботинки. – Двадцать четыре недели. Они в любом случае заметят, если уже не заметили.

– Дети не присматриваются к родительским талиям, – отозвалась я, хотя уже не раз ловила на себе быстрый взгляд старшей. – Элис волнуют только собственные успехи. Подождем еще немного.

Адам пожал плечами. По его лицу я видела, что он уже переключился на предстоящие дела. Надел пиджак, снова поцеловал меня и заторопился по лестнице вниз.

– Не забудь, вечером ужин! – крикнула я вслед.

Он что-то ответил, но я не расслышала. Потом позвал девочек в машину, и через несколько минут хлопнула входная дверь.

Два часа спустя я ждала Меган в кафе. Запах кофе, фоновый гул голосов и звон тарелок и приборов, которые официанты убирали со столов, за последние несколько месяцев стали мне привычны. Вскоре это место окажется за тысячи миль от меня. Станный укол какого-то предчувствия, точно предвестник родовых схваток, пронзил меня и пропал.

Послышался звук отодвигаемого стула, появилась запыхавшаяся Меган.

– Извини за опоздание. У Эндрю закончились лекарства, пришлось срочно метнуться в аптеку.

– Я заказала тебе капучино. – Я смотрела, как Меган разматывает шарф, и нежность боролась во мне с жалостью. Эндрю походил скорее на пациента, чем на мужа.

– Я написала на электронную почту моему другу Дэвиду из Габороне. – Меган откинулась на спинку стула, и официантка поставила перед ней чашку с пенной шапкой. – К вашему приезду он подыщет вам помощников.

Мне представилось, как я буду работать, сидя в саду, в прохладной тени огромного дерева, со спящим рядом малышом, с девочками, плещущимися в бассейне или делающими уроки за одним столом со мной. Картина несуматошной жизни. Зачем в ней посторонние помощники?

– Надо бы заранее узнать насчет рекомендаций, – осторожно отозвалась я. – С ними, боюсь, могут возникнуть сложности.

– Дэвид руководит сиротским приютом. – Меган отвела взгляд, на ее щеках проступил румянец. – Он привык тщательно проверять всех сотрудников.

– Может, пока попридержим этот вариант как запасной? – Я коснулась ее руки и улыбнулась.

– В любом случае тебе будут помогать девочки, – ответила Меган. – Ты уже им рассказала?

Я покачала головой.

– Все еще тревожусь за Элис. Она боится отстать от школьных подруг, пока мы будем в Африке. Как бы моя беременность не стала для нее последней каплей.

– В прошлый вторник с ней вроде было все в порядке. Мы поболтали о поездке. Девочки ждут не дождутся. Надеюсь, Ботсвана оправдает их надежды. – В тоне Меган я уловила едва уловимый оттенок тревоги.

– Но ты говорила, что им точно понравится. – Я озадаченно взглянула на нее. – Особенно Элис. Я хорошо помню твои слова.

– Просто там случилось кое-что, очень напугавшее меня. Только это было давным-давно. – Меган улыбнулась, но ее глаза остались серьезными. – У вас все будет прекрасно, я уверена.

Прежде она ни о чем плохом не рассказывала. Правда, мы никогда не обсуждали ее детство. Это я делилась с ней воспоминаниями и тайнами, которые раньше никому не открывала: как мой отец, ослепнув от слез, не справился с управлением по дороге домой с похорон и мы с ним застряли в перевернувшейся

машине, как долгое время после смерти матери я не решалась приводить домой подруг, боясь, что он может при них разрыдаться. А теперь вот и Меган доверилась мне.

– Тебя напугали в школе при миссии? Ты имеешь в виду монахинь?

– Я училась не в школе при миссии, а в одном южноафриканском интернате и получала церковную стипендию. – На лбу Меган появилась легкая морщинка.

– Расскажи об этом.

Меган понизила голос:

– Все началось из-за того, что я была не такая, как все. Одежду мне шила мать, я была полнее других и вдобавок рыжая. Одна девчонка велела остальным, чтобы они не водились со мной. Ей все подчинялись, и со мной перестали даже разговаривать. – Меган помолчала и закончила шепотом: – Спустя некоторое время мне стало казаться, будто меня не существует вовсе.

Та девчонка наверняка была стройной, с жестокой ухмылочкой. И, скорее всего, блондинкой. Благодаря стипендии Меган платила за обучение, но она была беднее остальных. Не так одета, не так обута. Я представила ее стоящей на краю спортплощадки – коренастую, рыжеволосую, последнюю, кого выберут в команду, – и мне захотелось ее обнять.

– А родителям ты не говорила?

– Они приехали за мной в конце семестра и поначалу пробовали расспросить, но когда привезли домой, я уже успокоилась, – Меган пожала плечами, – и они снова с головой ушли в работу в местной больнице. Мама была акушеркой, как ты.

Не совсем как я. Но вслух я это не сказала. И планы у меня были иными. Через пару месяцев Элис станет центром нашей жизни.

– А что же ты?

– У меня вошло в привычку околачиваться в деревне. Тамошние ребята приняли меня в свою компанию.

– Повезло... в смысле, что приняли. Ты ведь отличалась и от них... – Я сама толком не разобралась, какую мысль пытаюсь выразить.

– У них не было правил. Они, похоже, не замечали, что я другая. Дира приглядывала за мной. – Меган медленно кивнула. – Она меня любила.

Женщина за соседним столиком вдруг задела меня острым локтем и даже не извинилась. Она ковырялась в стоящем перед ней салате блестящими от растительного масла пальцами. Ее компаньонка с шеей, чрезмерно обмотанной шарфами, разразилась гогочущим смехом. Мне показалось, что зал кафе вдруг заполнило море избалованных женщин, убивающих свое никчемное время. Приятно будет хоть на время сбежать туда, где даже у детей манеры получше.

– Значит, эта Дира была тебе как бы приемной тетей?

Настала пора расходиться. Я отыскала в сумке пятифунтовую купюру и подсунула ее под блюдце.

– Дира была колдуньей.

Это слово эхом раскатилось в тишине, которая по случайному совпадению возникла как раз в это мгновение. Будто сидящие в кафе вдруг услышали и ощутили нечто страшное. Но вскоре обмотанная шарфами женщина снова загоготала, болтовня вокруг возобновилась. Наверное, Меган пошутила.

– Повезло тебе, – сказала я, нашаривая под столом туфли, которые сбросила, чтобы дать отдохнуть ногам. – Я что угодно отдала бы за парочку колдовских заклинаний.

– Не отдала бы. – Голос Меган звучал натянуто. – Позднее одна девочка из интерната пропала. Та самая заводила, из-за которой я стала изгоем. – Меган подалась вперед. – Поиски вели по всей Южной Африке, но больше ее никто не видел. А через несколько месяцев у железнодорожной станции неподалеку от нашего дома нашли мешок с тазовыми костями. Оказалось, что они принадлежат

пропавшей.

Слова Меган звучали диковинно, словно явились сюда прямым из сказок, вызывавших радостный испуг у Зоуи.

– Когда это случилось, мы были в отпуске в Англии, но друзья написали нам, – продолжала Меган. – По деревне поползли слухи. Поговаривали, что, применив свое колдовство, это сделала Дира. Но наказали банду насильников из ЮАР. Им дали пожизненное. А мать той девочки сошла с ума. – Меган подняла на меня отрешенный взгляд. – В глубине души я до сих пор уверена, что виновата. Что Дира сделала это ради меня.

Самая маленькая из матрешек разбилась вдребезги. Яркие осколки фарфора разлетелись по всему ковру. Я взяла Меган за руку. Глубоко под обликом жены, секретаря и друга скрывался перенесший страшную травму ребенок.

– Ты сказала, что интернат находился в Южной Африке?

Она кивнула, не поднимая глаз.

– Так как же Дира могла иметь отношение к преступлению, совершенному на расстоянии сотен миль, в другой стране? Меган, это невозможно.

Она не ответила. Шум в кафе стих, женщины, сидевшие за соседним столиком, ушли, официантка собирала тарелки. У меня больше не было времени. Я встала и, надевая пальто, коснулась плеча Меган.

– У нас сегодня ужинает моя новая ассистентка. Не хочешь присоединиться? Я бы охотно познакомилась с Эндрю.

Немного помолчав, Меган подняла голову и улыбнулась.

– С удовольствием.

Я припарковалась возле школы и поспешила ко входу через игровую площадку. Лучи низко висящего осеннего солнца пробивались между ветками деревьев,

длинные тени резали асфальт на полосы темноты и света. Как уживаются в Меган ее вера в залитый ярким светом мир науки, мир ее работы, и темные суеверия из далекого мрачного прошлого? Дрожа от холода, я нажала на кнопку звонка и, ожидая, пока мне откроют, засунула озябшие руки поглубже в карманы.

Миссис Филипс торопливо раскладывала по партам листки бумаги. Увидев меня в дверях класса, она кивнула и быстро прошла к картонной коробке, стоящей на ее столе.

– Я собрала все, что вам понадобится: учебный план, программу, понедельный график, учебники и методические материалы по каждому предмету. – Она похлопала ладонью по коробке. – Это здесь.

– Сделаю все, что в моих силах. – Я старалась не подавать вида, что ошеломлена объемом предстоящей задачи. – Элис боится, как бы не отстать.

Миссис Филипс стремительно зашагала по проходу между партами, продолжив почти расшвыривать бумагу.

– Она смысленный ребенок. Языки схватывает на лету. И опережает остальных. В некотором смысле в этом ее беда.

Я пропустила последние слова мимо ушей. Если школа не нашла способа справиться со смысленным ребенком, значит, даже к лучшему, если он уедет.

– Больше ничего не пропадало? – спросила я.

– Насколько мне известно, нет. – Миссис Филипс направилась ко мне и еще издалека начала улыбаться. – Теперь ваша девочка выглядит счастливее. – Она смотрела, как я поднимаю коробку. – Думаю, она в восторге от ожидающегося прибавления в семье.

Я не сказала о том, что еще не сообщила Элис о беременности, но вдруг поняла, что время пришло. Укладывая коробку в машину, я решила отложить разговор до окончания званого ужина. Я смогу все объяснить ей завтра.

Глава 9

Ботсвана, март 2014 года

Джип трясется на ухабах.

Неужели пса Джосайи убили, потому что он залаял и похитители испугались, что он переполошит всех? А вдруг они убьют и Сэма, если он заплачет? Я прижимаю тыльную сторону кисти ко рту, впиваюсь в нее зубами, прокусываю кожу, ощущаю вкус крови и тут соображаю: требуется время, чтобы завелись черви. Наверное, пес погиб дня два назад, когда бродяжничал по окрестностям в поисках приключений.

Деревня выглядит как любая африканская деревня среди ночи: ни электричества, ни уличных фонарей. Я сразу теряюсь. В хижинах, мимо которых мы проезжаем, тихо. Где мой медпункт, в темноте не разобрать. У одной из придорожных хижин светится квадрат окна. Я подруливаю к ней, спускаю босую ногу с подножки машины и наступаю в теплую лужу. Кровь? Собачья моча? Смотрю вниз: моя почерневшая ступня жирно блестит. Моторное масло.

Я стучу в дверь, а потом начинаю дубасить по ней кулаками. За моей спиной в машине хнычет Зоуи. Дверь открывает молодая женщина. За ней, сложив на груди покрытые татуировками руки, стоит мужчина. Из-за его плеча выглядывает старуха, на ее морщинистом лице настороженность. Между взрослыми просовывает голову мальчишка в школьной форме. Мерцающий свет керосиновой лампы над головами этих людей выхватывает из темноты плакаты с автомобилями, висящие на темно-зеленой стене.

– Мне нужно к вождю Момотси. Вы можете сказать, где он живет?

Мужчина проталкивается вперед, берется обеими руками за дверные косяки и вскидывает голову в беззвучном, но недовольном вопросе.

– Мой ребенок пропал.

От этих страшных слов наступает осознание реальности происходящего. Окружающий мир резко накрывается, старуха поспешно шагает вперед и берет меня за руку. Ее холодные пальцы сильны, глаза блестят под веками без ресниц, тысячи морщин пересекают щеки. Как у колдуньи. Ужас трепещет у меня во рту. Старуха улыбается и манит к себе молодую женщину. Зовет ее выйти вперед, наверное, чтобы переводить. Молодая беременна, срок большой. Вероятно, она одна из наших пациенток, потому что узнает меня. А потом обхватывает обеими руками свой живот и мотает головой. Боится, как бы беда с моим ребенком не перешла к ней?

За моей спиной в джипе начинает отрывисто и громко вскрикивать Элис. Как неисправная автомобильная сигнализация, без всякой причины. Я бросаюсь к машине, падаю на переднее сиденье и притягиваю Элис к себе. Вскрики прекращаются так же внезапно, как начались.

Шаркая ногами, старуха идет вслед за мной, за ней бежит мальчик. Она кладет худую руку на дверцу джипа, узкий бисерный браслет скользит по запястью и тихонько звякает, ударившись о металл.

– Кгоси Момотси, – старуха указывает на дорогу, а потом поворачивается к мальчику и что-то быстро говорит ему на тсвана, тот кивает и бросается бежать, жестом приглашая меня за собой. Я завожу машину, старуха убирает руку с дверцы. Удаляясь, она становится просто пожилой женщиной, усталой и согбенной, возвращающейся к своему дому и своей жизни, прочь от нашего несчастья.

Глава 10

Лондон, сентябрь 2013 года

Для ординатора Франческа выглядела слишком молодо. Как она ухитрилась получить медицинское образование и не приобрести ни единой морщинки на лице? А я и забыла, насколько она молода. Ее муж Джанни казался старше и был гораздо полнее. Седоватые волосы неряшливо свисали на воротник его рубашки.

Он держался позади жены вплотную к ней, улыбался и говорил чуточку громче, чем следовало, будто стараясь отвлечь внимание собеседников от их разницы в возрасте. В гостиной он сразу ринулся за поджаренным миндалем и застыл у стола с широко расставленными ногами. Жевал, заслонял собой камин и озирался.

Понадобилось два часа, чтобы вынести целый ворох бумаг и ноутбук вместе со всеми проводами. Гостиная сияла полированным деревом. Букет белых лилий, источая сильный медовый аромат, красовался в вазе толстого стекла. На подносе с напитками искрился хрусталь. В камине потрескивал и шипел огонь. Комната выглядела роскошно и опрятно, и никто не догадался бы, что не пройдет и пары дней, как цветы увянут, а кипы бумаг вернутся на свои прежние места. Но сейчас впечатление было превосходным.

В дверь снова позвонили – это пришли Меган и Эндрю. Меган с зачесанными вверх волосами выглядела по-новому, ямочка на ее щеке стала такой глубокой, что в ней появлялась маленькая тень. Она похорошела, а Эндрю меня удивил: он оказался старше, чем я ожидала. Возможно, причиной была его болезнь. Костлявый и узкоплечий, он вошел в дверь хромая и заметно оживился при виде открытого огня. Я усадила его на диван, Меган устроилась рядом. Мне пришлось напрягать слух, чтобы разобрать его медленную и невнятную речь.

Перед самым ужином я проскользнула наверх, собираясь уложить девочек. Меган составила мне компанию, она тоже захотела пожелать им спокойной ночи. Зоуи уже спала в окружении своих плюшевых зверят. Я поцеловала ее, а Меган с отразившейся на лице нежностью погладила по голове. Заботы об Эндрю занимали место, которое могло бы принадлежать детям. Укрывая Зоуи поплотнее, я представила, какой матерью могла бы стать Меган, и у меня защемило сердце.

Когда мы вошли к Элис, та сидела, склонившись над своим столом, и читала учебник, но тут же выпрямилась и посмотрела на меня как на чужую. Ее пальцы на подлокотниках стула сжались, а тело напряглось.

– Хорошие новости, дорогая: миссис Филипс считает, что тебе не о чем беспокоиться... – начала я.

– Она сказала про «предстоящее прибавление в семье», – шепотом прервала меня Элис. Я едва расслышала ее слова. – Почему ты скрывала?

Значит, новость ей сообщил чужой человек. Я потянулась ее приласкать, но она отпрянула и вжалась спиной в стену. Как загнанный зверек. Меган молча стояла позади меня. Казалось, она перестала дышать.

– Я собиралась сказать тебе завтра, – попыталась оправдаться я, но мои слова прозвучали неубедительно даже для меня самой. – Мне казалось, у тебя и без того полно забот, Элли. Не хватало еще начать беспокоиться о малыше.

– С какой стати мне беспокоиться?

– Иногда детям кажется, что с появлением еще одного ребенка они становятся менее важными для родителей.

Глаза Элис испуганно раскрылись. Я взяла ее за холодную руку – пальцы перепачканы, ногти обгрызены – и приложила ладонью к моему животу.

– Потрогай. Я надеюсь, что ты станешь моей главной помощницей.

Я ощутила, как пальцы Элис задрожали. Она отдернула руку.

– Это ровным счетом ничего не изменит, детка. – Я совсем не то хотела сказать, но все, что приходило мне в голову, оказывалось не к месту. Подыскивая слова, я услышала долетающий снизу, из кухни, голос Софии. В нем сквозила паника.

Меган шагнула вперед и обняла Элис.

– Можно мне немного побыть здесь? Я бы гораздо охотнее побеседовала с тобой, чем с людьми там, внизу.

Элис кивнула и уткнулась ей в плечо. Голос Софии зазвучал громче.

– Спасибо... – пробормотала я и поспешно вышла.

Кухня была вся в дыму. Картошка сгорела, София накрывала на стол и совсем про нее забыла. Я отмерила рис в кастрюльку и поставила ее на медленный огонь.

В гостиной Адам развлекал беседой Франческу. Джанни перебрался на диван к Эндрю, я уловила обрывок фразы про итальянские озера.

Я отвела Адама в сторонку.

– Элис знает, что я беременна. Ей рассказала учительница. Элис расстроилась, что мы не сообщили ей раньше.

– Так я и знал, – вскинулся Адам, его губы гневно сжались в тонкую линию. – Поднимусь поговорить с ней.

Он повернулся, чтобы уйти, но возникшая в дверях Меган остановила его, придерживая за локоть.

– Элис уже крепко спит. – Она улыбнулась. – Устала от переживаний. Немного поплакала, но оживилась, когда мы заговорили об именах, и уже выбрала одно.

– Не знаю, как мне тебя благодарить. – Я обняла ее. – Все мои оправдания не помогали.

– Элис сама догадалась некоторое время назад, но, поскольку все молчали, – Меган дотронулась до моей руки, – решила, что, наверное, сошла с ума и ей привиделось...

– Бедная Элис. – Меня замутило.

– Спасибо. – Адам наклонился и поцеловал Меган в щеку. – Ты была великолепна.

– Я рада, что смогла помочь. – Она зарумянилась. – Думаю, теперь все наладится.

Я сомневалась, что все будет так просто, как ей кажется, но по крайней мере теперь Элис знала правду. Взяв Меган за руку, я повела ее в освещенную свечами столовую. Свечи мерцали на фоне темно-красных стен и отбрасывали лужицы света на полированный дуб обеденного стола. У каждого прибора София поставила тарелочку с тонко нарезанной розовой ветчиной в окружении мясистого пунцового инжира и кружочков моцареллы.

– Это бесподобно, – сказала Франческа Адаму, отодвигая стул и садясь рядом. – Вызывает некоторые ассоциации с маткой, вам не кажется? Эмме только дай волю – ни за что не упустит случай взять работу на дом...

Франческа издала смешок.

Я с улыбкой повернулась к Меган.

– И какие же имена придумала Элис?

– Сэмюэл для мальчика, Саманта – для девочки, – ответила та. – Она как раз читает «Повелителя мух». Там Сэмом зовут одного мальчика из хорошего племени. Наверное, она считает...

– Ах да, конечно, – перебила я, впервые услышав, какую книгу сейчас читает Элис, но не желая в этом признаваться, и повторила: – Саманта. Мне нравится.

София помогла принести скворчащий противень с говядиной по-бургундски. В отдельной посудине дымился горячий рис, присыпанный петрушкой. Над столом прокатился рокот одобрения. О кастрюле сгоревшего картофеля в мусорном ведре никто не знал, ужин выглядел идеально.

За едой разговор зашел о детях.

– Помогать им появляться на свет я не против, но мысль о том, что мне придется растить собственных, приводит меня в ужас. – Франческа накалывала кусочки говядины на вилку. Она слегка пожала плечами и усмехнулась. – Может, мне просто надо повзрослеть.

Кінець ознайомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/shemilt_dzheyn/uchis-tonut

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)